

ВСЕРОССИЙСКИЙ ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ
(ВЦИОМ)

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

*Под научной редакцией
Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина*

Москва
2023

УДК 304.44
ББК 60.8
Ч39

Авторский коллектив

Аникин В. А. (введение, гл. 1.1, заключение), Антонов Е. В. (гл. 2.9), Антонова В. К. (гл. 2.3), Боос В. О. (гл. 2.2), Вишневский К. О. (гл. 2.6), Власова В. В. (гл. 2.2, 2.8), Воронина Н. Д. (гл. 1.8), Гершман М. А. (гл. 2.2), Глезер О. Б. (гл. 2.9), Гребенюк А. Ю. (гл. 1.5), Демидкина О. В. (гл. 2.6), Демьянова А. В. (гл. 2.2), Денисенко (гл. 2.1), Зотова М. В. (гл. 2.9), Канонир Т. Н. (гл. 1.3), Карданова Е. Ю. (гл. 1.9), Каширская Е. В. (гл. 2.4), Козлов В. А. (гл. 2.1), Корешникова Ю. Н. (гл. 1.6), Коршунов И. А. (гл. 2.5), Куричев Н. К. (гл. 2.9), Куценко Е. С. (гл. 2.2), Леонтьев Д. А. (гл. 1.4), Мильшина Ю. В. (гл. 1.5), Михайлова Н. С. (гл. 1.8), Нефедова А. И. (гл. 2.7), Нагерняк М. А. (гл. 1.8), Овчарова Л. Н. (введение, гл. 1.8, заключение), Орел Е. А. (гл. 1.9), Петракова А. В. (гл. 1.3), Позднухова Е. А. (гл. 1.2), Потапчик Е. Г. (гл. 1.7), Рогов М. И. (гл. 2.9), Рудь В. А. (гл. 2.8), Сажина С. В. (гл. 1.7), Сафронов С. Г. (гл. 2.9), Селезнева Е. В. (гл. 1.7), Синявская О. В. (гл. 2.1), Сорокин П. С. (введение, гл. 1.2, 1.6, заключение), Сушенцова М. С. (гл. 1.1), Тер-Акопов С. А. (гл. 1.8), Тимонин С. А. (гл. 1.7), Тимофеев А. А. (гл. 1.10), Фрелих К. (гл. 2.3), Хархурин А. В. (гл. 2.4), Шелудков А. В. (гл. 2.9), Ширкова Н. Н. (гл. 2.5), Шматко Н. А. (гл. 2.7), Щур А. Е. (гл. 1.7).

Рецензенты

Асмолов Александр Григорьевич — д-р психол. н., директор Школы антропологии будущего РАНХиГС, председатель Совета по правам человека при Президенте РФ, главный редактор журнала «Образовательная политика».

Тихонова Наталья Евгеньевна — д-р социол. н., профессор-исследователь Факультета экономических наук НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Центра комплексных социальных исследований Института социологии ФНИСЦ РАН.

Монография подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Человеческий потенциал: современные трактовки и результаты исследований / под науч. ред. Л. Н. Овчаровой, В. А. Аникина, П. С. Сорокина. — М.: ВЦИОМ, 2023. — 462 с.

ISBN 978-5-906345-47-9

Представленная коллективная монография — первая за последние 10 лет попытка переосмыслить классическую трактовку понятия «человеческий потенциал» и провести масштабные междисциплинарные исследования в этой области. Она объединила в себе усилия ведущих социологов, психологов, экономистов, специалистов в области педагогики, управления, географии и других дисциплин, что позволило получить комплексное представление о человеческом потенциале, а также о современных проблемах и перспективах его развития в нашей стране. Книга станет важным подспорьем не только для студентов и исследователей, но также для экспертов и практиков в сфере образовательной, демографической, пространственной и социальной политики.

УДК 304.44
ББК 60.8

© Коллектив авторов, 2023
© М. А. Емельянова, обложка, 2023
© Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», 2023
© АО «ВЦИОМ», издание на русском языке, оформление, 2023

ISBN 978-5-906345-47-9

Содержание

Введение	5
Часть 1. Эволюция концепции и основные тренды в развитии человеческого потенциала	
1.1. Эволюция концепции человеческого потенциала в экономической науке <i>М. С. Сушенцова, В. А. Аникин</i>	9
1.2. «Человеческий потенциал»: концептуализация понятия и обзор современных полидисциплинарных дискуссий через призму социологии <i>П. С. Сорокин, Е. А. Позднухова</i>	26
1.3. Вклад нейронаук об образовании в развитие человеческого потенциала: новые возможности и вызовы <i>Т. Н. Канонир, А. В. Петракова</i>	40
1.4. Личностный потенциал как составляющая человеческого потенциала <i>Д. А. Леонтьев</i>	50
1.5. Глобальные тренды и вызовы, влияющие на развитие человеческого потенциала <i>Ю. В. Мильшина, А. Ю. Гребенюк</i>	66
1.6. Развитие человеческого потенциала в ответ на вызовы деструктуриации: взгляд со стороны педагогики <i>Ю. Н. Корешникова, П. С. Сорокин</i>	95
1.7. Здоровье как компонент человеческого потенциала — роль системы здравоохранения и других факторов в поддержании здоровья <i>Е. В. Селезнева, Е. Г. Потапчик, С. В. Сажина, С. А. Тимонин, А. Е. Щур</i>	113
1.8. Комплексные подходы к измерению благополучия и качества жизни с учетом показателей человеческого потенциала <i>Н. Д. Воронина, Н. С. Михайлова, М. А. Нагерняк, Л. Н. Овчарова, С. А. Тер-Акопов</i>	143
1.9. Как измерить человеческий потенциал? Ключевые принципы <i>Е. Ю. Карданова, Е. А. Орел</i>	164
1.10. Обучение работе с финансовыми инструментами как новая задача в области развития человеческого потенциала <i>А. А. Тимофеев</i>	185

Часть 2. Человеческий потенциал России в мировом контексте — что говорят эмпирические данные?

2.1. Демографические аспекты человеческого потенциала в мире и России на основе макро- и микроданных <i>М. Б. Денисенко, О. В. Синявская, В. А. Козлов</i>	202
2.2. Креативные индустрии в современной России: роль человеческого потенциала <i>В. О. Боос, В. В. Власова, М. А. Гершман, А. В. Демьянова, Е. С. Куценко</i>	230
2.3. Инклюзия в организации как элемент развития человеческого потенциала (на примере корпоративного сектора) <i>В. К. Антонова, К. Фрёлих</i>	255
2.4. Вклад креативных, межкультурных и языковых компетенций в развитие человеческого потенциала и системной адаптации личности <i>А. В. Хархурин, К. В. Каширская</i>	278
2.5. Вклад образовательных организаций в накопление человеческого потенциала и социально-экономическое развитие территорий <i>И. А. Коршунов, Н. Н. Ширкова</i>	305
2.6. Цифровое благополучие как фактор человеческого потенциала <i>О. В. Демидкина, К. О. Вишневецкий</i>	331
2.7. Воспроизводство человеческого потенциала в сфере науки и технологий: российские ученые и инженеры <i>А. В. Демьянова, А. И. Нефедова, Н. А. Шматко</i>	355
2.8. Инновационная культура: что позволяет человеческому потенциалу реализовываться в компаниях <i>В. В. Власова, В. А. Рудь</i>	387
2.9. Человеческий потенциал в пространственном измерении: вызовы для резилиентности территорий России <i>Н. К. Куричев, М. И. Рогов, М. В. Зотова, Е. А. Антонов, А. В. Шелудков, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов</i>	421
Заключение	456
Авторы.....	458

Введение

Л. Н. Овчарова, В. А. Аникин, П. С. Сорокин

Россия стоит перед лицом глобальных вызовов, преодоление которых требует новых подходов в социально-экономической политике. Они должны одновременно стимулировать экономический рост в условиях неопределенности и сохранять устойчивость государства и общества. Эксперты, представители гражданского общества, политические партии обсуждают разные варианты такого развития, но практически все сценарии включают решения, направленные на формирование человеческого потенциала нации. Опираясь на ключевыми положениями концепции человеческого потенциала, ученые и эксперты по-разному трактуют их смысл. Понятие «человеческий потенциал» часто путают с понятием «человеческий капитал», используя эти слова как синонимы.

Широкую популярность понятие человеческого потенциала приобрело в рамках одноименного движения (Human Potential Movement) в 1960—1970-е годы благодаря прежде всего психологическим работам А. Маслоу и подходу self-help, получившего широкое распространение в прикладной психологии. Ключевая цель этого движения состояла в том, чтобы привлечь внимание общественности и политиков к теме разностороннего развития человека и его внутренних возможностей. Таким образом, изначально понятие человеческого потенциала ассоциировалось с деятельным аспектом на микроуровне, хотя и не применялось активно в экономической науке.

Макроизмерение человеческого потенциала получило распространение лишь в 1980-х годах, когда ученые заговорили о «человеческом» измерении экономического роста благодаря работам нобелевского лауреата Амартии Сена в области экономики благосостояния и теории социального выбора, в которых ученый обосновывал ключевую цель развития общества через расширение свободы человека и его выбора, заключающейся в развитии главным образом «богатства человеческой жизни, нежели богатства экономики, в которой живут люди, которая является лишь ее частью»¹. Под влиянием идей А. Сена, а также в своем стремлении «переместить фокус экономики

¹ См.: Amartya Sen: A More Human Theory of Development // Asia Society. URL: <https://asiasociety.org/amartya-sen-more-human-theory-development>.

развития с учета национального дохода на политику, ориентированную на человека»², пакистанским экономистом Махбубом уль-Хаком была разработана концепция «человеческого развития» и запущено ее международное измерение в виде индекса человеческого развития, публикуемого в ежегодных «Докладах о человеческом развитии» в рамках Программы развития ООН.

В середине 1990-х годов ученые получили валидные микроданные, подтверждающие, что наиболее эффективное развитие способностей человека, критически важных для его успеха в будущем, происходит на самых ранних этапах жизненного цикла, что заставило ученых обратиться к интеграции понятий человеческого потенциала на микроуровне и концепции человеческого развития на макроуровне. Однако научно-методологический инструмент измерения эффектов от инвестиций в раннее развитие тогда еще не сложился, что актуализировало новое осмысление роли и места длинных инвестиций в человека в общей системе инструментов социальной политики. Для обсуждения и продвижения этих идей в 1998 году нобелевский лауреат Джеймс Хекман создал Центр человеческого потенциала и социальной политики в Чикагском университете (Center for Human Potential and Public Policy, CNPPP). Цель этого центра изначально состояла не столько в концептуализации самого понятия «человеческий потенциал», который скорее всего понимался в его исходной трактовке 1970-х годов, сколько в изучении условий его формирования на ранних стадиях жизненного цикла человека, и в большей степени — разработке мероприятий, направленных на ликвидацию разрыва в когнитивных и некогнитивных навыках между детьми из экономически обеспеченных и бедных семей. Начав работать с понятием «человеческий потенциал», Дж. Хекман в своих работах стал отдавать предпочтение понятию «человеческое развитие», хотя вложил в него новый смысл, связанный с деятельным аспектом человеческого выбора.

Цель настоящего издания — предложить читателю современную трактовку человеческого потенциала и провести разграничения с родственными понятиями и определениями. В этом отношении книга продолжает российскую традицию исследований человеческого потенциала, которая подхватила и стала развивать понятие человеческого потенциала в середине 1990-х — начале 2000-х годов. Эту традицию заложили работы Т. Заславской, Н. Рима-шевской, М. Шабановой, В. Ольшанского, Б. Юдина, И. Соболевой, О. Иванова и др. Российские исследователи внесли большой вклад в разработку понятия «человеческий потенциал» и измерение его «статической» составляющей, связанной с развитием возможностей человека. Авторы монографии обращаются не только к «статическому», но и к «динамическому» аспекту человеческого потенциала, показывая важность агентности и самостоятельности в реализации возможностей индивида.

² Ul Haq M. (1995) *Reflections on Human Development: How the Focus of Development Economics Shifted from National Income Accounting to People-Centered Policies*. Oxford University Press.

Данная работа продолжает российскую традицию исследований человеческого потенциала и представляет собой коллективный труд ученых созданного в 2020 году сетевого научного Центра междисциплинарных исследований человеческого потенциала³, что предопределило структуру книги. Первая часть посвящена теоретико-методологическим основаниям понятия «человеческий потенциал». В ней авторы систематизируют и критически осмысливают основные концептуальные подходы к определению и измерению человеческого потенциала, а также дают его современную трактовку. Во второй части представлены результаты эмпирических исследований ключевых аспектов человеческого потенциала.

Особый акцент в монографии сделан на междисциплинарности в изучении человеческого потенциала. В частности, в первой части книги критически проанализированы передовые теоретические идеи и концептуальные разработки из таких наук, как экономика, социология, психология, педагогика, менеджмент, нейронауки и др. События глобального и национального масштаба начала 2020-х годов делают данную работу особенно актуальной, поскольку связанные с ними радикальные изменения в социетальной динамике наглядно показали необходимость выявления более полного набора факторов социально-экономического развития и механизмов их взаимодействия, понимания роли человека в указанных процессах.

В теоретическом плане авторский коллектив книги попытался приблизиться к выработке интегрального для разных дисциплин понимания концепции человеческого потенциала. В частности, авторы дополняют традиционное понимание человеческого потенциала, сформулированное в работах А. Сена и его последователей как пространство возможностей и «внешних» (статичных) способностей человека, современными трактовками человеческого потенциала, связанными с развитием «внутренних способностей» человека (термин Дж. Хекмана), активизацией деятельностных аспектов его личности, агентности и самостоятельности. Эта идея операционализируется в том числе для уязвимых групп населения, включая детей из малоресурсных семей (через хекмановскую идею *skills beget skills*, обосновывающую ведущую роль инвестиций в раннее развитие детей), людей с ограниченными возможностями (через концепцию инклюзивности) и представителей старшего поколения (на основе концепции активной и автономной старости и создания среды для «активизации» потенциала старшего поколения).

³ Научный центр мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» создан в рамках Национального проекта «Наука» в соответствии с указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204. НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» представляет собой консорциум из четырех организаций — лидеров в исследованиях человеческого потенциала и включает: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Российскую академию народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ и Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук (<https://ncmu.hse.ru/about>).

Отдельное место занимает глава по индексному измерению человеческого потенциала на основе данных макростатистики.

Проведенные исследования показывают, что привлечение понятия «человеческий потенциал» и связанных с ним фундаментальных теорий и подходов позволяет раскрыть и органически соединить между собой фронтирные разработки в широком круге областей знания. Кроме того, книга демонстрирует примеры того, как благодаря использованию понятия «человеческий потенциал» представители разных дисциплин могут по-новому раскрывать и доносить свои научные результаты: говоря или о новых гранях содержания человеческого потенциала, или об особых условиях и важных для его развития факторах, или о его эффектах как о части комплексного процесса социально-экономического развития с акцентом на той роли, которую в нем играет человек. В условиях высокой турбулентности современного мира поиск новых концептуальных рамок (в особенности предполагающих междисциплинарную кооперацию) для инноваций в области социальной и экономической политики, образования, культуры и здравоохранения становится насущной практической задачей, и, как показывают другие проведенные в рамках НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» исследования, понятие «человеческий потенциал» занимает одно из центральных мест в этом ряду.

Вторая часть книги предлагает богатую палитру эмпирических исследований, посвященных наиболее практически важным и малоизученным аспектам человеческого потенциала, включая прежде всего факторы его формирования, механизмы его работы и эффекты. Обзорная глава описывает глобальные тренды и вызовы, влияющие на развитие человеческого потенциала. Особое внимание уделяется тем вызовам и возможностям, которые открывает развитие современных технологий. Делается акцент на демографической динамике, а также запросе на новые компетенции и навыки, включая цифровые компетенции, навыки работы с современными финансовыми инструментами, креативность как отдельное измерение человеческого потенциала в современном мире. Далее рассматриваются факторы формирования и развития человеческого потенциала, например организационные условия или динамика целых отраслей, а также географические характеристики, что особенно актуально в российских условиях.

Авторский коллектив рассчитывает, что книга станет верным путеводителем по проблемам человеческого потенциала для исследователей, экспертов и лиц, разрабатывающих и реализующих государственную политику в области устойчивого развития, а студентам поможет сориентироваться в противоречиях, связанных с трактовкой человеческого потенциала в рамках отдельных дисциплин и исторических периодов развития.

2.9. Человеческий потенциал в пространственном измерении: вызовы для резилиентности территорий России

*Н. К. Куричев, М. И. Рогов, М. В. Зотова, Е. А. Антонов,
А. В. Шелудков, О. Б. Глезер, С. Г. Сафронов*

Аннотация. Глава посвящена взаимосвязи и взаимовлиянию человеческого потенциала и территориальной резилиентности, то есть способности социотерриториальных систем справляться с внешними и внутренними шоками и потрясениями.

Территориальная резилиентность — комплексный феномен, включающий ландшафтную, экономическую и социальную резилиентность. В главе мы сосредоточимся на обзоре экономической резилиентности российских территорий, поскольку она сталкивается с наиболее значимыми шоками. Сначала рассмотрим базис территориальной резилиентности — место российских городов в международном разделении труда на основе присутствия многонациональных компаний. Затем проанализируем различные аспекты резилиентности во взаимосвязи с человеческим потенциалом в период одного из недавних кризисов — пандемии COVID-19: состояние сферы услуг, рынков труда, миграционное поведение россиян. Далее определим роль практик управления в адаптации к кризису, а в заключении сделаем выводы о взаимосвязи резилиентности и динамики человеческого потенциала в пространственном измерении.

Во всех аспектах прослеживается ведущая роль человеческого потенциала в обеспечении экономической резилиентности территорий: она высока в крупнейших агломерациях, городах-миллионниках, субъектах РФ с крупными столицами, а также многих больших городах.

Введение

Люди как носители человеческого потенциала живут на конкретной территории, в рамках конкретного ландшафта, конкретного сообщества и местной экономики. Поэтому исследования человеческого потенциала должны включать анализ его пространственной дифференциации и взаимосвязи с природными и социально-экономическими условиями территорий. Растущая политическая турбулентность в мире привела к тому, что для описания адаптационных способностей социотерриториальных систем разного географического масштаба стало активно использоваться понятие «резилиентность» — способность справляться с внешними и внутренними шоками и потрясениями и продолжать развитие. В современных условиях резилиентность оказывается одной из ключевых характеристик регионов и муниципалитетов, определяющей их перспективы в будущем. Важный фактор резилиентности (наряду с инфраструктурными, экономическими, институциональными, экологическими и пр.) — человеческий потенциал. В свою очередь, уровень резилиентности — один из ключевых факторов привлекательности регионов, городов и других локалитетов для проживания, а значит, формирования или

размывания человеческого потенциала. Таким образом, человеческий потенциал и резилиентность взаимообусловлены.

Под *человеческим потенциалом* мы понимаем «накопленный населением запас физического и нравственного здоровья, общекультурной и профессиональной компетентности, творческой, предпринимательской и гражданской активности, реализуемый в разнообразных сферах деятельности, а также в уровне и структуре потребностей» [Соболева, 2007: 12]. Основные факторы формирования человеческого потенциала — образовательный уровень сообщества, доступные знания и технологии, внутренние связи, доверие, организованность и т. д. В отличие от человеческого капитала¹, человеческий потенциал — слишком комплексное понятие, чтобы иметь стоимостное выражение. В международной научной литературе наиболее близким к человеческому потенциалу является концепт *human development* (человеческое развитие), который измеряется индексным методом. С 1990 года публикуются Доклады о человеческом развитии ПРООН и соответствующий индекс (ИРЧП/ИЧР²; *human development index* — HDI), включающий три интегральных показателя: ожидаемой продолжительности жизни, продолжительности обучения, уровня жизни (среднедушевой ВВП по ППС).

В российских докладах ПРООН ИРЧП/ИЧР для субъектов РФ рассчитывается с 1997 года. Специфика применения индекса для внутрироссийских межрегиональных сравнений связана с особенностями социальной среды и региональной статистики [Зубаревич, 2005; Внутривосточные..., 2018]. Предлагается использовать широкий набор параметров [Локосов, Рюмина, Ульянов, 2019; Мигранова, Токсанбаева, 2020; Рюмина, 2021]³, однако значительный разброс показателей у регионов-соседей и нередкие близкие показатели при совершенно различном социально-экономическом положении говорят о принципиальной проблеме несводимости всего многообразия проявлений человеческого потенциала к трем-четырем сводным показателям. Например, сводный индекс здоровья по регионам России в 2015 году варьировал от 0,60 в Москве и 0,54—0,58 в Дагестане, Кабардино-Балкарии, Ингушетии до 0,34—0,35 в Еврейской АО, Чукотском АО, Тыве; при этом близкие значения показателя наблюдались у существенно различающихся

¹ Человеческий капитал определяется как «запас знаний, навыков и способностей, которые есть у каждого человека и которые могут использоваться им в производственных и потребительских целях» [Капелюшников, 2012: 6]. Основные виды вложений в него — образование, производственная подготовка, охрана здоровья, миграция, поиск информации на рынке труда, рождение и воспитание детей.

² ИРЧП — индекс развития человеческого потенциала, ИЧР — индекс человеческого развития.

³ В данных работах человеческий потенциал характеризуется (с некоторыми вариациями) следующими компонентами: демографическая составляющая (естественный и миграционный прирост); здоровье (ожидаемая продолжительность жизни при рождении); образование (доли населения с тем или иным уровнем образования); социально-культурное поведение (посещаемость музеев и театров, численность пользователей общественных библиотек, численность лиц, совершивших преступления, состоящих на учете в лечебно-профилактических учреждениях по поводу алкоголизма, наркомании и токсикомании).

в социально-экономическом отношении Иркутской области и Карелии, Самарской и Архангельской областей. Сводный индекс образования варьировал от 5,9—6,0 в Москве и Санкт-Петербурге и 5,6 в Ямало-Ненецком АО и Московской области до 4,7 в Чечне, Забайкальском крае, Дагестане и Курганской области [Мигранова, Токсанбаева, 2020]. Как можно говорить о том, что высокие показатели естественного прироста населения и продолжительности жизни, низкие — распространения алкоголизма и наркомании способны компенсировать высокую бедность, невысокий уровень образования и обеспеченности врачами, если все эти показатели сосуществуют, например, в Дагестане, Чечне и Ингушетии [Локосов, Рюмина, Ульянов, 2019]? Между тем уровень образования, целеустремленность и энергия жителей той или иной территории, их взгляды и ценности, навыки и информированность во многом определяют резилиентность социотерриториальных систем к шокам различной природы. В условиях сильной количественной и качественной дифференциации человеческого потенциала в России индексный метод подходит лишь для общих сопоставлений, а в контексте взаимосвязи резилиентности и человеческого потенциала необходимо использовать его более широкую интерпретацию.

Выделяют два этапа развития взглядов на понятие резилиентности [Chandler, 2014]: классический этап связан с определением резилиентности как готовности поглощать возмущения, «возвращаться в норму» и восстанавливаться после стресса, сохраняя те же функции и структуру [Lerch, 2017]. Но сохранение статус-кво может препятствовать долгосрочной жизнеспособности системы⁴, поэтому в рамках постклассического подхода резилиентность рассматривается как адаптация к жизни в сложном социальном мире, неотделимая от адаптивности и трансформируемости.

Вслед за Дж. Феделе с соавторами мы рассматриваем три основных типа адаптации социотерриториальных систем к неблагоприятным изменениям [Fedele et al., 2019]:

- 1) преодоление (coping) — возврат к дошоковому состоянию;
- 2) адаптивная резилиентность (bounce back, incremental adaptation) — восстановление докризисной траектории развития без качественного изменения структуры и функций;
- 3) трансформативная резилиентность (transformative adaptation) — восстановление на основе качественного изменения структуры и функций, «переизобретение себя».

Для оценки адаптивной резилиентности адекватны формальные оценки параметров восстановления (глубина реакции ключевых показателей на шоки,

⁴ Узкое понимание резилиентности не позволяет критически оценивать саму модель развития территории, ее перспективы, привлекательность и качество жизни. В России по формальным показателям устойчивости часто лидируют слаборазвитые регионы, зависимые от финансовой поддержки со стороны федерального бюджета, что едва ли может считаться критерием резилиентности по существу [Климанов, Казакова, Михайлова, 2020].

время восстановления докризисного уровня, докризисных темпов роста или докризисной траектории роста). Для оценки трансформативной резилиентности нужен анализ структурных изменений — структуры землепользования, локальной экономики и занятости, экономической специализации территории, связей и идентичности в местном сообществе.

Территориальная резилиентность — комплексный феномен, включающий ландшафтную, экономическую и социальную резилиентность. В данной главе мы сосредоточимся на экономической резилиентности, поскольку она сталкивается с наиболее значимыми шоками. В широком смысле экономическая резилиентность территории включает воспроизводство потенциала местной экономики и ее конкурентоспособности [Giacometti et al., 2018], что близко к идеям эволюционной экономической географии [Martin et al., 2016]. Экономическая резилиентность формируется четырьмя ключевыми подсистемами: бизнесом, рынком труда, финансами, управлением. Более высокий уровень человеческого потенциала (в первую очередь образования) делает региональную экономику более устойчивой [Glaeser, Ponzetto, Tobio, 2014].

Социотерриториальная система (регион, город и др.) тесно взаимосвязана с национальной и международной средой как источником и шоков, и ресурсов: на микроуровне резилиентность анализируется через акторов внутри города; на макроуровне — через городские системы в условиях глобализации и место города в международном разделении труда, в частности присутствие международных компаний (МНК); на мезоуровне — через города как таковые [Rogov, Rozenblat, 2018]. Исходя из этого, мы рассматриваем резилиентность социотерриториальных систем к шокам на двух пространственных уровнях: *национальном (в региональном разрезе) и локально-узловом с учетом трех основных компонентов* (см. рис. 2.9.1):

1) *человеческий потенциал* (структура и динамика населения и расселения, рынок труда, миграции и мобильность и т. д.);

2) *местное сообщество* (институциональная среда на муниципальном уровне; локальные инициативы, зависящие от форм взаимодействия жителей и других акторов);

3) *третичная сфера и инфраструктура* (структура и уровень развития сферы услуг, состояние инфраструктуры, развитие малого бизнеса и т. д.).

Пространственная мобильность населения — один из ключевых механизмов взаимосвязи между локальными сообществами. Она формируется под воздействием свойств локальных сообществ (включая уровень резилиентности к шокам) и оказывает мощное (часто — решающее) влияние на накопление и размывание человеческого потенциала территории и перспективы ее развития. Различные формы мобильности (маятниковая, постоянная, временная миграция) являются одним из ключевых адаптивных механизмов, позволяющих приспособиться к жизни на территориях, испытывающих воздействие негативных внешних и внутренних социально-экономических и природных факторов (концепция «миграция как адаптация» [Farbotko et al.,

2018; Sakdapolrak et al., 2016] и др.), то есть одним из факторов резiliентности. Миграция рассматривается как фактор снижения уязвимости за счет появления у мигрантов возможностей для трудоустройства и получения образования при одновременной поддержке их домохозяйств и локальной экономики в регионе исхода. В то же время миграционный отток подчеркивает отсутствие иных форм адаптации к стрессовой ситуации на локальном уровне [Sakdapolrak et al., 2016]. Вариант приспособления к кризису через трудовую мобильность зависит от состояния доступных внешних рынков труда [Martini, Platania, 2019] и уровня связности с ними (прежде всего, от географической близости). Поэтому часто нужно рассматривать не только локальную систему, но и условия ее взаимодействия с другими.

Рисунок 2.9.1. Компоненты резiliентности социотерриториальных систем⁵

В соответствии с изложенным пониманием территориальной резiliентности (в ее экономическом аспекте) мы рассмотрим место российских городов в международном разделении труда на основе присутствия многонациональных компаний, что отражает экономическую базу города и развития его человеческого потенциала. Затем проанализируем различные аспекты резiliентности во взаимосвязи с человеческим потенциалом в период одного из сильнейших недавних кризисов — пандемии COVID-19: экономическую резiliентность регионов в 2019—2021 годах на примере сферы услуг, которая является ключевым источником занятости в России; динамику рынков труда по регионам и муниципалитетам России; изменение миграционного поведения россиян в связи с пандемией и связанный с ней экономический кризис. Далее определим роль практик управления в адаптации к кризису,

⁵ Источник: составлено авторами.

а в заключении сделаем выводы о взаимосвязи резилиентности и динамики человеческого потенциала в пространственном измерении.

Экономическая основа формирования человеческого потенциала: роль сетей многонациональных компаний

Развитие городов и эволюция городских систем происходят в значительной степени благодаря перемещению людей и компаний с одной территории на другую [Сторпер, 2018]. С одной стороны, «креативный класс» создает предпосылки для инновационного развития, поскольку талантливые люди переезжают в города в поисках единомышленников и более комфортной среды [Florida, 2005; Glaeser, Maré, 2001]; с другой стороны, люди переезжают в города, потому что там есть рабочие места [Сторпер, 2018]. Города аккумулируют таланты и знания путем как инвестиций в человеческий капитал, так и конкуренции с другими городами за него. Люди с высоким уровнем знаний стремятся жить рядом с себе подобными [Lucas, 1988], и способность города притягивать таланты и знания не менее важна, чем их воспроизводство.

Рассмотрим, как города реализуют свой человеческий потенциал, на примере эволюции присутствия мультинациональных компаний (МНК). Отечественные и иностранные МНК способствуют глобализации городов, превращая их в ключевые узлы глобальных экономических сетей [Taylor, 2004; Rozenblat, Zaidi, Bellwald, 2017]. Можно предположить, что количество МНК в городе, их специализация и сеть связей с другими городами, с одной стороны, указывают на уровень человеческого потенциала, а с другой стороны, способствуют его формированию, создавая новые рабочие места, требующие высокой квалификации и оплаты труда.

Анализ данных состоит из двух этапов: 1) классификация городов по динамике присутствия мультинациональных компаний (МНК); 2) анализ соответствий с целью изучения эволюции относительной специализации городов на основе присутствия МНК. Период анализа охватывает 2010—2019 годы, что позволяет оценить, в частности, уровень резилиентности российских городов к кризису 2014—2015 годов. Источник данных — база данных ORBIS от Bureau van Dijk (BvD) за 2010, 2013, 2016, 2019 годы, которая фокусируется на долгосрочных отношениях собственности между материнской и дочерней компаниями. Данные ORBIS-BvD позволяют выстраивать связи между городами в соответствии со связями собственности между головной и дочерними фирмами, расположенными в разных городах [Sigler, Martinus, 2017; Stolbova et al., 2017; Pažitka, Wójcik, Knight, 2021]. База включает все прямые и косвенные дочерние предприятия 3 000 крупнейших фирм мира по обороту в рассматриваемом году (1,3 млн фирм и 1,7 млн связей собственности в 2019 году) во всех экономических секторах (классификация NACE Rev2). Для России выборка охватывает около 40 тыс. фирм. Города рассматриваются как вершины в сетях, состоящих из направленных ребер между головными и дочерними компаниями [Vitali, Glattfelder, Battiston, 2011].

Сети корпоративных связей были агрегированы по парам городов на основе адреса каждой штаб-квартиры и дочерней компании [Rogov, Rozenblat, 2022]. Под городами в данном исследовании понимаются крупные городские регионы (КГР, Large Urban Regions—LUR) [Rozenblat, 2020]. КГР могут быть определены как совокупность непрерывных статистических единиц с сильными функциональными связями с центральным городом-ядром. КГР строятся вокруг города-ядра, к которому присоединяются муниципальные образования первого уровня на основе таких критериев, как распределение и плотность населения, наличие развитой дорожной сети, обеспечивающей связность с ядром, доступ к международному аэропорту⁶ и присутствие МНК. По единой методике в России выделено 120 КГР [Rogov, Rozenblat, 2020], в мире—1700 [Rozenblat, 2020]. В делимитированных КГР расположены более 85 % всех фирм в России, присутствующих в базе ORBIS-BvD.

Классификация траекторий городов построена на двух показателях сетевого анализа для каждой вершины: 1) разнообразие (diversity); 2) сила (strength, соответственно невзвешенная и взвешенная степень, unweighted и weighted in- and out-degree). Сила города показывает суммарное количество входящих и исходящих связей компаний данного города в сетях владения, а разнообразие—количество других городов, с которыми у рассматриваемого города есть связи. Для классификации траекторий городов был применен анализ соответствия Chi2 с помощью TrajPop [Pumain et al., 2015]. Пересечение показателей силы и разнообразия (по три уровня) дало восемь непустых классов траекторий городов за 2010—2019 годы: если город находится в классе 1 по разнообразию и в классе В по силе, его результирующий класс равен 1В (см. рис. 2.9.2).

Города класса 1А потеряли в показателе силы в абсолютном выражении, но в меньшей степени, чем другие города, а значит, выиграли *относительно* других российских городов. Города 1А класса увеличили разнообразие в абсолютном и относительном выражении, став более связанными с другими городами. В этот класс входят Москва и Санкт-Петербург, большие города (Владивосток, Южно-Сахалинск, Якутск, Томск, Красноярск, Йошкар-Ола, Астрахань и Грозный), небольшие поселения в Сибири и на Дальнем Востоке (Енисейск и Красноселькуп, Нюрба, Тикси, Нерюнгри), многие из них специализированы на добыче полезных ископаемых.

Траектория самого большого класса 2В (53 города) противоположна траектории класса 1А: эти города потеряли в показателе силы и еще больше в показателе разнообразия, тем самым сократив свои связи с другими городами.

⁶ Определяющим критерием для ядра КГР является наличие международного аэропорта, который создает предпосылки для размещения МНК и дочерних компаний. Среди 120 российских КГР есть ряд сравнительно небольших поселений (Бугульма, Тикси, Красноселькуп), так как они имеют собственный международный аэропорт. При этом Тверь, Рязань и Тула (в отличие, например, от Калуги) являются частью московского КГР, так как у них нет инфраструктуры для прямой интеграции в экономические глобальные сети.

В этот класс входят большинство средних и крупных городов России, в том числе крупные промышленные города (Челябинск, Новосибирск, Иркутск, Кемерово, Новокузнецк, Ярославль, Пермь, Уфа и Омск) и города, связанные с добычей полезных ископаемых (Нефтеюганск, Новый Уренгой, Сургут, Салехард, Ухта, Нефтекамск, Нарьян-Мар и Воркута).

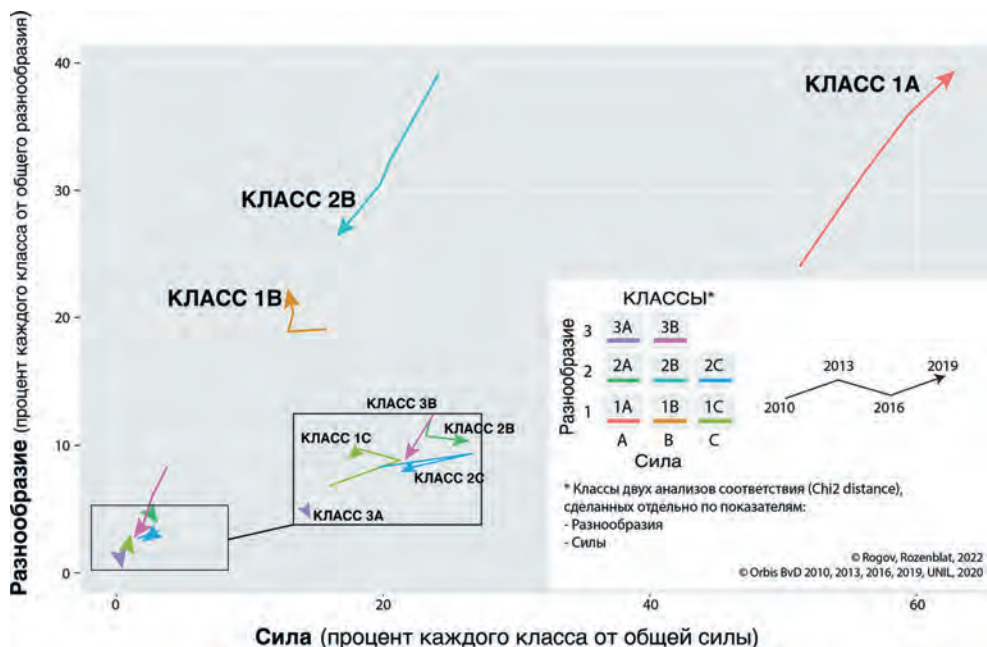

Рисунок 2.9.2. Классы крупных городских регионов России по показателям силы и разнообразия за 2010—2019 годы⁷

У городов класса 1B (17 городов) траектории изменились после кризиса: в 2010—2013 годах они теряли в показателе силы, но после 2013 года стали диверсифицировать связи с другими городами (рост показателя разнообразия). Показатель силы продолжил снижаться, но медленнее, чем в среднем по России. В данном классе находятся многие ключевые экономические центры (Самара, Екатеринбург, Нижний Новгород, Краснодар, Ростов-на-Дону, Тюмень, Калуга, Хабаровск, Ульяновск, Воронеж и Пенза).

Другие классы содержат несколько городов с небольшим количеством фирм и не демонстрируют устойчивых трендов, поскольку их показатели сильно зависят от перемещения отдельных фирм или изменений в финансовых связях.

Группа городов, включающая Москву и Санкт-Петербург (класс 1A), демонстрирует большую устойчивость в 2010-е годы, аккумулируя больше

⁷ Источник: адаптировано из [Rogov, Rozenblat, 2022].

межфирменных связей (показатель силы) и показывая бóльшую географическую диверсификацию этих связей (показатель разнообразия) по сравнению с другими классами. Очевидно, размер города не является единственным свойством, объясняющим эту устойчивость (поскольку этот класс включает города разного размера), поэтому необходимо выяснить, оказывает ли влияние на экономическую резилиентность города его отраслевая специализация.

Мы изучили траектории выделенных групп городов с помощью анализа соответствия (correspondence analysis—CA) [Isard, 1966; Henderson, 1997; Pumain, Saint-Julien, 2001] видов экономической деятельности фирм в городах в период с 2010 по 2019 год (см. рис. 2.9.3). Первая ось (24,5% общей информации) противопоставляет рыночные услуги (коды I, J, K, L, M в номенклатуре NACE Rev 2) нерыночным услугам (образование, здравоохранение и государственное управление, коды N, O, P, Q). Вторая ось (15,5% общей информации) противопоставляет добычу полезных ископаемых (код В) обрабатывающей промышленности и торговле (коды С, G).

Большинство российских городов всех типов демонстрируют рост значимости сферы рыночных услуг в структуре присутствия МНК, в том числе за счет продвинутых услуг (APS—advanced producer services), особенно силен этот тренд в городах классов 1А (группа наиболее устойчивых городов), 1В, 2А и 2В. Данный тренд говорит об увеличении спроса на высококвалифицированную рабочую силу, что является, с одной стороны, следствием инвестиций в человеческий потенциал, а с другой—создает предпосылки для его дальнейшего развития. Такие города, как Москва, Санкт-Петербург, Томск, Красноярск, Владивосток (и другие города класса 1А), имели тенденцию к большей аккумуляции человеческого потенциала, а большинство остальных городов теряли МНК и, таким образом, проигрывали в конкуренции за таланты.

Для экономики крупных городов характерна диверсификация сферы услуг, в частности высокопрофессиональных. Напротив, малые или специализированные города закрепляются в узких нишах. Например, «добывающие» города, представленные почти в каждом классе, стали еще сильнее специализироваться на добыче полезных ископаемых из-за сокращения фирм других отраслей (например, класс 1А: Нерюнгри; класс 1В: Анадырь; класс 1С: Мирный; класс 2В: Новый Уренгой, Воркута, Ноябрьск; класс 2С: Ханты-Мансийск; класс 3В: Нягань, Урай). Данные города конкурируют за человеческий потенциал (ЧП) со специальными характеристиками и являются местами концентрации уникальных знаний, умений и навыков, поэтому могут создавать специфические отраслевые инновации. Снижение разнообразия в этих городах говорит о сравнительной устойчивости нефтегазового сектора к кризисным явлениям 2010-х годов, но при этом снижается разнообразие и, как следствие, резилиентность в данных КГР в целом.

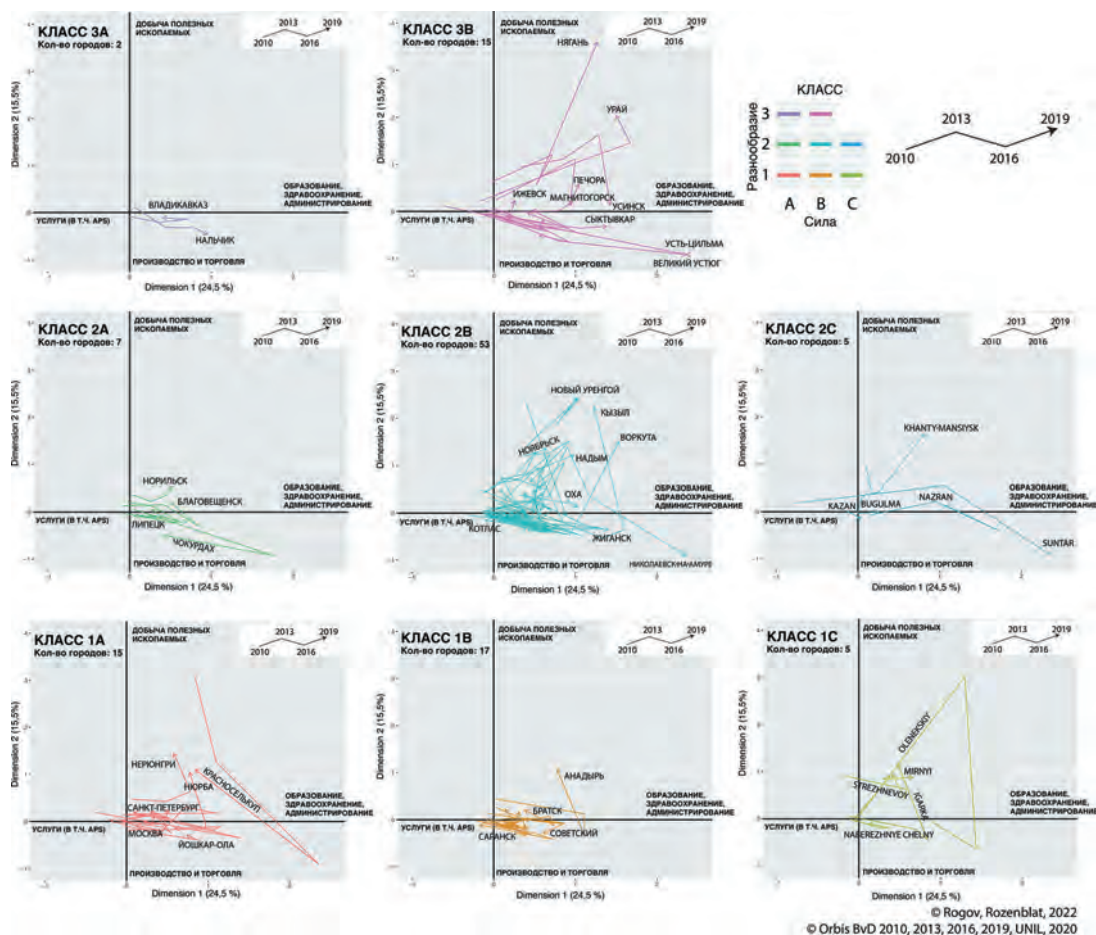

Рисунок 2.9.3. Эволюция относительной специализации крупных городских регионов России за 2010—2019 годы⁸

Резилиентность сферы услуг российских регионов в условиях пандемии

Особое значение для формирования человеческого потенциала имеет сфера услуг (третичный сектор): она обеспечивает занятость 67% российских работников, формирует 60% собственных налоговых доходов региональных и местных бюджетов. Некоторые отрасли третичного сектора играют роль буфера и амортизатора кризисных процессов, принимая на себя значительную часть избыточной занятости. Сфера услуг позволяет населенным пунктам выполнять центральные функции, создавая в них комфортную среду проживания. Поэтому динамика третичной сферы может рассматриваться

⁸ Представлены траектории отдельных городов в рамках классов, основанных на показателях силы и разнообразия. Указаны города с наиболее яркой динамикой. Источник: адаптировано из [Rogov, Rozenblat, 2022].

как емкий индикатор адаптации территорий к кризисам и одновременно как фактор резилиентности.

Развитие сферы услуг по территориям России исследовалось в первую очередь с точки зрения структурных сдвигов между основными секторами экономики [Трейвиш, 2009]. По структуре третичного сектора Россия ближе всего к группе восточноевропейских стран с высокой долей розничной торговли (24% валовой добавленной стоимости) и транспорта (11%) и существенным запаздыванием в развитии продвинутых услуг⁹: несмотря на рост этих подотраслей, уровень развития третичной сферы в России по-прежнему качественно уступает развитым странам [Manera, Valle, 2018].

Межрегиональные различия в развитии сферы услуг связаны с особенностями структурной трансформации региональных экономик и диффузией инноваций. Только некоторые территории характеризовались реальным развитием и усложнением третичной сферы благодаря способности усваивать внешние инновации и продуцировать собственные. Высокая динамика численности работников третичной сферы с 1990 по 2018 год (в 1,5—2 раза) и повышенный по сравнению со среднероссийским уровень душевого ВРП в третичном секторе были характерны для 10—15 наиболее развитых, миграционно привлекательных субъектов РФ с крупными растущими городскими центрами (столичные регионы, Новосибирская, Томская, Свердловская, Белгородская области, Республика Татарстан и др.), а также для нефте- и газодобывающих регионов с высоким платежеспособным спросом. Для многих регионов России терциаризация (рост доли третичного сектора) стала формой вынужденной адаптации хозяйства и населения к кризисным условиям [Иванов, 2012]. Так, быстрый рост занятости в третичной сфере и ее доли в ВРП происходил в экономически отстающих регионах (например, северокавказских республиках) в связи с выходом из тени малых и средних предпринимателей, разрастанием розничной торговли на фоне спада в других секторах экономики (обрабатывающих производствах и сельском хозяйстве). В остальных регионах наблюдался умеренный рост числа работников третичного сектора на фоне снижения общей занятости в экономике (в 1,1—1,6 раза). Кроме того, можно выделить кризисную терциаризацию в регионах Европейского Севера и Дальнего Востока со сжимающимся расселением, кризисными явлениями в экономике и интенсивным миграционным оттоком. Здесь снижалась численность занятых в третичной сфере при резком увеличении ее доли (см. рис. 2.9.4).

Резилиентность сферы услуг регионов России в значительной степени определялась структурным фактором — неравномерными процессами в различных видах услуг и разницей в структуре сферы услуг по регионам. Поэтому в первую очередь мы рассматриваем резилиентность самой третичной сферы, понимая под ней способность продолжить развитие после спада

⁹ Верхний этаж третичной сферы экономики, включающий финансовые, информационные, консалтинговые, научные, банковские услуги, операции с недвижимостью и др.

в 2020 году в результате сложного по своей природе коронавирусного кризиса, когда падение потребительского спроса сочеталось с жесткими социальными ограничениями в период локдаунов. В качестве индикатора масштабов спада и восстановления мы использовали квартальные данные о поступлении налогов и сборов в консолидированный бюджет РФ по ВЭД, а также динамику рабочего времени, отработанного основным персоналом на средних и крупных предприятиях в 2019—2021 годах.

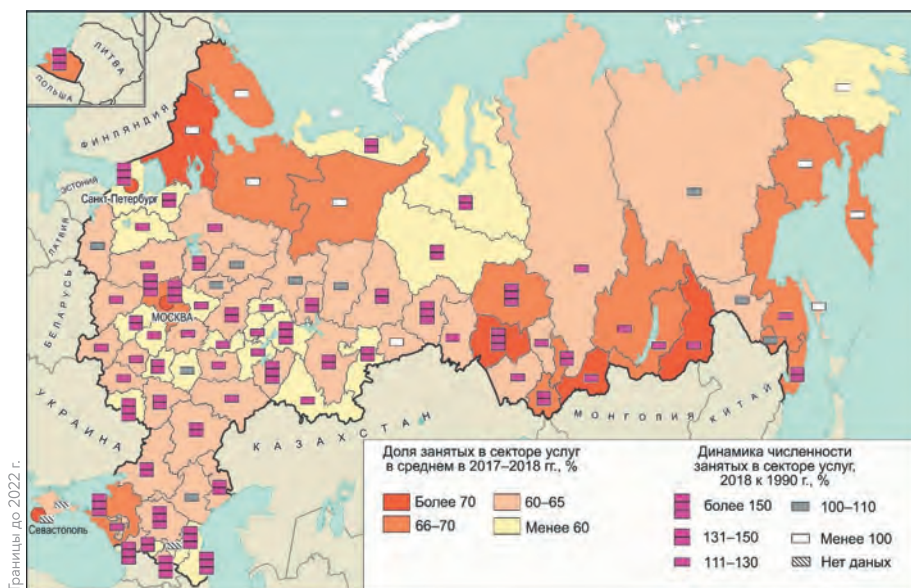

Рисунок 2.9.4. Занятость в третичном секторе по регионам России с 1990 по 2018 год¹⁰

Преодоление шока (coping) было характерно для административных услуг, где показатели занятости и экономической активности демонстрировали рост в кризисном 2020 году за счет резкого роста спроса на клининговые услуги. Адаптивно резилиентными оказались нерыночные услуги — госуправление, здравоохранение и образование. Они полностью восстановились до дошокового состояния 2019 года после существенного падения в 2020 году¹¹ без принципиального изменения структуры и функций. Многие виды услуг показали трансформативную резилиентность кризису. В случае информационных услуг, оптовой и розничной торговли можно говорить об усложнении внутренней структуры и выходе на новый уровень развития. Произошел масштабный переход деятельности в интернет-пространство.

¹⁰ Источник: составлено авторами.

¹¹ Рост объемов оказания «ковидной» помощи несущественно отразился на налоговых поступлениях за 2020—2021 годы, не сумев скомпенсировать сокращение объемов остальных видов медицинских услуг.

В сфере информационных услуг увеличилась доля услуг по web-хостингу, развитию цифровой инфраструктуры, разработке ПО и мобильных приложений, поддержке интернет-порталов. Оптовая и розничная торговля быстро перестраивалась в результате развития онлайн-сегмента. Рыночные услуги не сумели к концу третьего квартала 2021 года вернуться к докризисному уровню. Эта группа включает услуги для конечного потребителя (гостиничный бизнес, общественное питание, культуру, спорт и досуг) и большинство видов услуг юридическим лицам (B2B: финансы и страхование, операции с недвижимостью, профессиональную и рекламную деятельность).

Анализ налоговых данных и данных о занятости позволяет выделить ряд групп субъектов РФ с разной реакцией третичного сектора на последствия пандемии (см. рис. 2.9.5).

1) Экономически развитые регионы с крупными агломерациями со сложной структурой услуг и высокой трансформативной резилиентностью. В этой группе восстановление происходило в сочетании с внутренней перестройкой отраслей сферы услуг, развитием онлайн-сегментов и новых видов информационных услуг благодаря существенным бюджетным и предпринимательским ресурсам. В Московском регионе экономическая активность в третичной сфере заметно сократилась во втором квартале 2020 года, но быстро восстановилась к 2021 году за счет высоких доходов населения, специфики столичной потребительской культуры, значительной поддержки городского бюджета. В других крупногородских регионах (Новосибирская, Свердловская, Самарская, Волгоградская, Омская области, Пермский, Приморский края, Республика Татарстан) спад в третичной сфере был более значительным. Отдельно выделяются южные приморские регионы, где спад третичного сектора был небольшим за счет притока туристов в условиях закрытых границ, несмотря на ковидные ограничения.

2) Индустриальные, адаптивно резилиентные регионы, где спад оборота торговли и общественного питания в связи с сокращением платежеспособного спроса усугубился сильным падением услуг сегмента B2B, предоставляемых ключевым предприятиям экспортных отраслей специализации (ХМАО, ЯНАО, Оренбургская, Ярославская, Калужская области). Их восстановление произошло только в 2021 году, главным образом за счет роста заказов от экспортно-ориентированных отраслей. Кризис в третичном секторе в регионах Азиатской России и Европейского Севера (Красноярский край, Мурманская, Архангельская области, Республика Коми и др.) был усугублен очаговым типом освоения, сужающим возможности адаптации на узких локальных рынках.

3) Адаптивно резилиентные регионы со слабо диверсифицированной экономикой (в том числе национальные республики), где социальные ограничения привели в первую очередь к сокращению товарооборота в розничной торговле — основной из представленных рыночных отраслей третичного сектора. Рост третичного сектора здесь был вызван бюджетной поддержкой нерыночных услуг (особенно в сфере здравоохранения) и высокой активностью

в сфере малого и среднего предпринимательства из-за эффекта низкой базы и молодого населения.

4) Слабо дифференцированная срединная группа регионов, сравнительно успешно справившихся с шоками за счет глубинного (удаленного от государственной границы) положения, более позднего и более мягкого введения ограничений. Периферийные, квазииндустриальные территории Центральной России, где рыночные отрасли представлены преимущественно розничной торговлей, быстро восстановились в 2021 году с наименьшими экономическими потерями за счет доступа к продвинутым услугам в Московском столичном регионе. Возврат к дошоковому состоянию здесь произошел без структурной перестройки и изменения функций из-за общего невысокого уровня развития и упрощенной структуры сектора услуг.

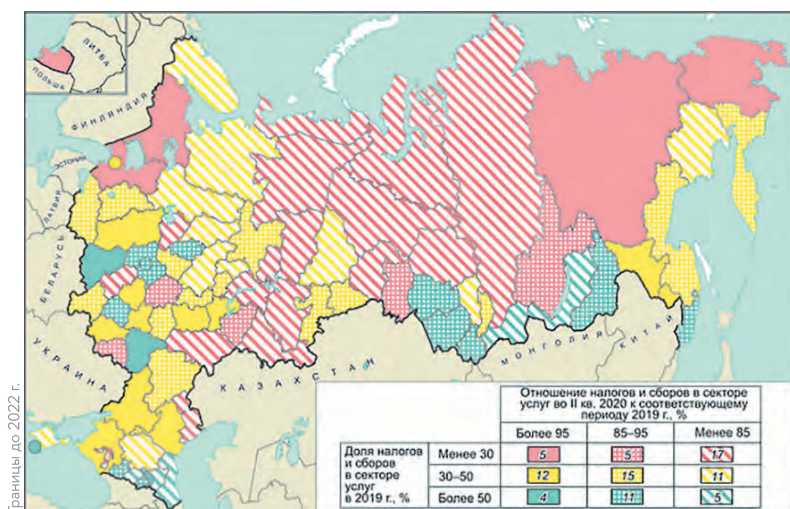

Рисунок 2.9.5. Типы регионов России по динамике налоговых поступлений в ходе кризиса 2020 года¹²

Трансформация рынка труда под воздействием пандемии

Состояние рынка труда определяет финансовые возможности для воспроизводства человеческого потенциала и формирует средовые характеристики жизни человека¹³. В период пандемии COVID-19 российский рынок

¹² Источник: составлено авторами по данным ФНС. URL: https://www.nalog.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/.

¹³ Международная организация труда (МОТ) указывает, что ключевую роль в искоренении бедности и формировании человеческого потенциала играет так называемый достойный труд (decent work), характеризующийся «возможностью для продуктивной работы, приносящей справедливый доход, безопасностью на рабочем месте и социальной защитой семей; лучшими перспективами личностного развития и социальной интеграции, свободой для людей выражать свои проблемы, организовываться и участвовать в принятии решений, которые влияют на их жизнь, а также равенством возможностей для всех женщин и мужчин». См.: Decent Work // International Labor Organization. URL: <https://www.ilo.org/global/topics/decent-work/lang-en/index.htm>.

труда испытал значительные трансформации [Ахапкин, 2020; Лайкам, 2021]. Ключевой мерой резилиентности локального рынка труда является его способность адаптироваться к шокам в кратчайшие сроки и с минимальными издержками для работников (потеря в заработной плате, квалификации, условиях труда и др.) [Martini, Platania, 2019]. Три ключевых фактора адаптивной резилиентности рынка труда — отраслевая структура, квалификация и качество рабочей силы, географическое положение. Набор факторов трансформативной резилиентности рынка труда значительно шире.

Доходы от трудовой деятельности составляют 57—58% от общих доходов населения [Мониторинг..., 2021], а структура занятости населения по отраслям экономики связана с уровнем оплаты труда, поскольку для России характерна его значительная межотраслевая дифференциация [Гимпельсон, Капелюшников, 2008]. Высокий уровень квалификации и образования напрямую влияют на уровень заработной платы работников [Heckman, Humphries, Veramendi, 2018; Токсанбаева, 2020] и позволяют им занимать высокопроизводительные рабочие места, способствуя развитию человеческого потенциала через повседневную деятельность. Напротив, низкий уровень квалификации и образования предопределяют занятость на низкопроизводительных рабочих местах с меньшим уровнем дохода, что не способствует развитию ценных навыков и умений [Бирюкова и др., 2018].

Параметры рынка труда сильно дифференцированы по регионам [Ахапкин, 2019] и особенно муниципалитетам России [Антонов, 2019, 2020]. Базовые условия, определяющие формирование человеческого потенциала, значительно различались еще до пандемии COVID-19. В данном исследовании, учитывая инерционность параметров рынка труда и полноту доступных для анализа статистических данных, для уровня регионов и муниципалитетов России оцениваются изменения уровня занятости населения, безработицы, трудовых доходов населения (зарботной платы).

Занятость населения в России в 2010-е годы выросла с 58,5% в 2010 году до 65,5% в 2018 году (максимум за всю постсоветскую историю), но в 2019 году снизилась до 64,9%, а по итогам 2020 года — до 63,7%. Внутривостановочная дифференциация уровня занятости остается высокой (см. рис. 2.9.6). Динамика уровня занятости населения обусловлена как изменением численности населения в трудоспособных возрастах, так и динамикой экономической активности и числа рабочих мест. В допандемийный период на рост уровня занятости положительное влияние оказывали оба фактора [Антонов, 2019], но для большинства регионов доминирующим являлся именно демографический фактор.

В 2020 году численность занятых в экономике по стране сократилась на 1514 тыс. человек, а население в возрасте 15—72 года — на 635 тыс. человек. Сокращение рабочих мест превысило депопуляцию на 879 тыс.,¹⁴ или

¹⁴ Эта величина не равна потерям рабочих мест для населения России, так как по итогам 2020 года число прибывших мигрантов в Россию с целью работы сократилось на 3,1 млн по сравнению с 2019 годом. См.: URL: <https://mvd.pf/dejatelnost/statistics/migracionnaya>.

на 1,2% от численности занятых в 2019 году, что делает этот спад одним из самым серьезных для российской экономики в XXI веке. Вместе с тем сокращение числа рабочих мест не привело к взрывному росту безработицы. К концу 2019 года российский рынок труда подошел к минимальным значениям реальной безработицы (по методологии МОТ) с 1990 года—4,6%, что было во многом обусловлено сокращением численности населения в трудоспособных возрастах после 2008 года. На пике кризиса в 2020 году реальная безработица по стране выросла на 1,8 процентных пункта, до 6,4%, а в третьем квартале 2021 года уровень безработицы вновь опустился до 4,4%, упав ниже уровня так называемой естественной безработицы для России [Гурвич, Вакуленко, 2018]. В 56 из 85 регионов уровень реальной безработицы по итогам третьего квартала 2021 года—уже ниже значений последнего допандемийного четвертого квартала 2019 года, в 7 регионах—сравнился с ним, и лишь в 22 регионах все еще оставался выше него. По-видимому, решающую роль в спаде реальной безработицы сыграл демографический фактор—продолжившееся выбытие с рынка труда трудоспособного населения, которое было усилено дополнительной смертностью из-за пандемии COVID-19¹⁵ и «выталкиванием» с рынка труда работников пенсионного и предпенсионного возраста, находящихся в группе риска по состоянию здоровья и вынужденных по совокупности причин оставить работу.

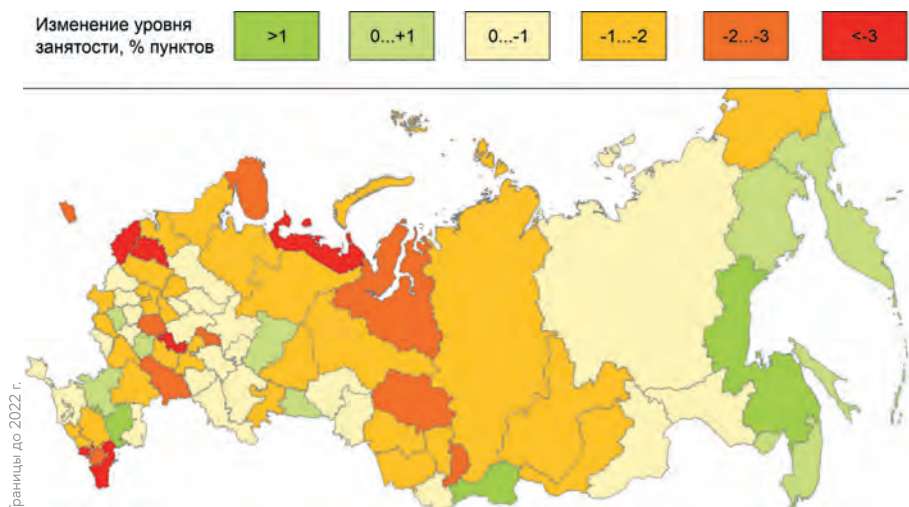

Рисунок 2.9.6. Динамика уровня занятости населения России по итогам 2020 года, в процентных пунктах по сравнению с 2019 годом¹⁶

¹⁵ Величина так называемой избыточной смертности вследствие пандемии COVID-19 может достигать 1 млн человек за 2020—2021 годы при значительной неопределенности оценок [Karlinsky, Kobak, 2021].

¹⁶ Источник: ФСГС РФ.

Ключевым отличием реакции российского рынка труда на пандемию COVID-19 от других кризисов (1998, 2008—2009, 2014—2015) является то, что кризис 2020 года проходил при совсем иных демографических условиях. Предыдущие кризисы происходили на фоне нейтральной или положительной демографической волны в трудоспособных возрастах. Трансформация рынка труда в 2020—2021 годах наложилась на многолетнее снижение численности трудоспособного населения. Пандемия COVID-19 имела ярко выраженное импактное воздействие: сокращение предложения рабочей силы за счет выбытия трудовых ресурсов (дополнительная смертность и уход с рынка труда) и ограничения трудовой международной миграции. Наряду с мерами государственной поддержки эти факторы обеспечили устойчивость рынка труда.

Средняя реальная заработная плата, в отличие от негативной динамики реальных денежных доходов населения с 2014 по 2020 год (–6,6%, по итогам 2020 года—1,4%), в этот же период имела устойчивую тенденцию к росту (+8,4%)¹⁷. В 2020 году она в целом по России выросла на 2,7%, причем рост наблюдался во всех регионах страны, кроме Костромской и Калининградской областей (см. рис. 2.9.7).

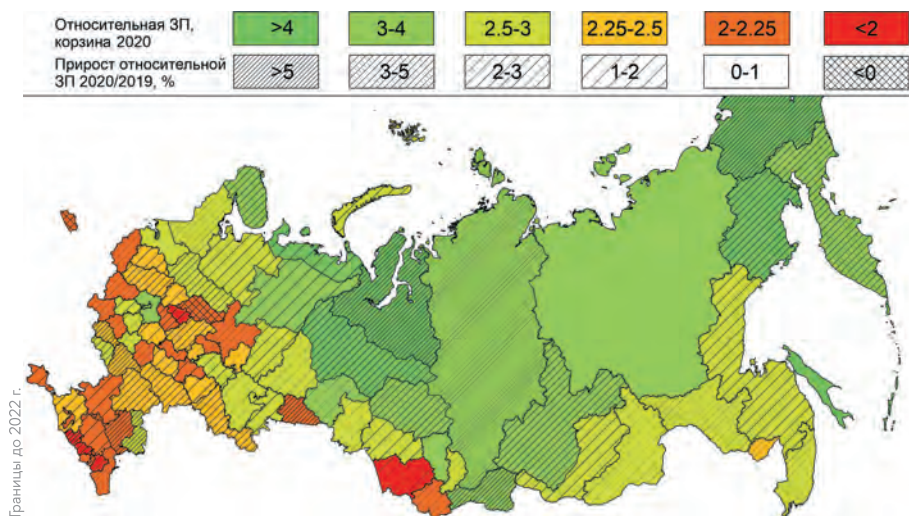

Рисунок 2.9.7. Относительная (по стоимости потребительской корзины товаров и услуг) среднемесячная заработная плата работников по полному кругу организаций в 2020 году и темп прироста (%) относительно 2019 года¹⁸

¹⁷ Рост совокупных денежных доходов населения от трудовой деятельности по итогам 2020 года (+2%) замедлился, но не остановился. Из-за того, что занятость снижалась, общий совокупный фонд оплаты труда (в реальном выражении) рос далеко не везде. Если в 2018 году его сокращение наблюдалось только в Ставропольском крае, в 2019 году — в шести регионах, в 2020 году — в 25.

¹⁸ Источник: ФСГС РФ.

Рост зарплат в 2020 году связан с двумя причинами. Во-первых, сектор корпоративной занятости (в крупных и средних предприятиях и организациях бюджетного сектора) в период пандемии оказался весьма устойчивым к внешнему шоку: несмотря на локдауны и заметное сокращение зарплат в наиболее пострадавших отраслях, средняя заработная плата по экономике выросла как за счет сферы здравоохранения, так и за счет информационно-коммуникационного сектора, продолжившего стремительное расширение в период пандемии. Крупные работодатели корпоративного сектора за счет собственных ресурсов и помощи со стороны государства не стали серьезно сокращать занятость и зарплаты. Во-вторых, на российском рынке труда сложился дефицит работников: предложение труда сократилось еще сильнее, чем спрос, что подтверждается не только статистическими индикаторами, но и оценками специалистов в рекрутинговой сфере. Работодатели вынуждены вступать в конкуренцию, в том числе по уровню оплаты труда.

Территориальные тренды изменения занятости и трудовых доходов разнообразны; на региональном уровне можно выделить несколько характерных групп (см. рис. 2.9.8). Относительно благополучная динамика сложилась в 15 регионах страны — в них выросли оба показателя (группа II). Для абсолютного большинства этих регионов характерна ускоренная депопуляция населения в трудоспособных возрастах (ее темпы выше более чем в два раза в сравнении со средним по РФ): в регионах Черноземья и Урала, Дальнего Востока работники выбывали с рынка труда быстрее, чем сокращались рабочие места. Особое положение регионов Дальнего Востока связано также с сокращением присутствия иностранных работников, в избытке прибывавших на заработки до пандемии. Уровень занятости значительно вырос в экономически слабых регионах с молодым населением (республики Калмыкия, Тыва).

Влияние пандемии COVID-19 на динамику трудовых доходов по муниципальным образованиям оценено по данным ФНС. Для сельских и городских поселений и внутригородских территорий Москвы и Санкт-Петербурга по итогам 2020 года медианный рост заработной платы составил 6,3%, а сокращение числа рабочих мест — 4,3% (см. рис. 2.9.9). Динамика аналогичных показателей для городских и муниципальных округов и муниципальных районов составила +4,6 и –3,9% соответственно.

В уровне заработной платы воспроизводится градиент по классическим для российского социально-экономического пространства дифференцирующим осям [Тревиш, Нефедова, 2010]: город — село (см. рис. 2.9.10а) и людность поселения (см. рис. 2.9.10б). Различия в темпах прироста заработной платы по муниципальным образованиям разного типа и размера связаны с различиями в строгости вводимых в период пандемии ограничений [Dokhov, Topnikov, 2020] и с отраслевой структурой занятости.

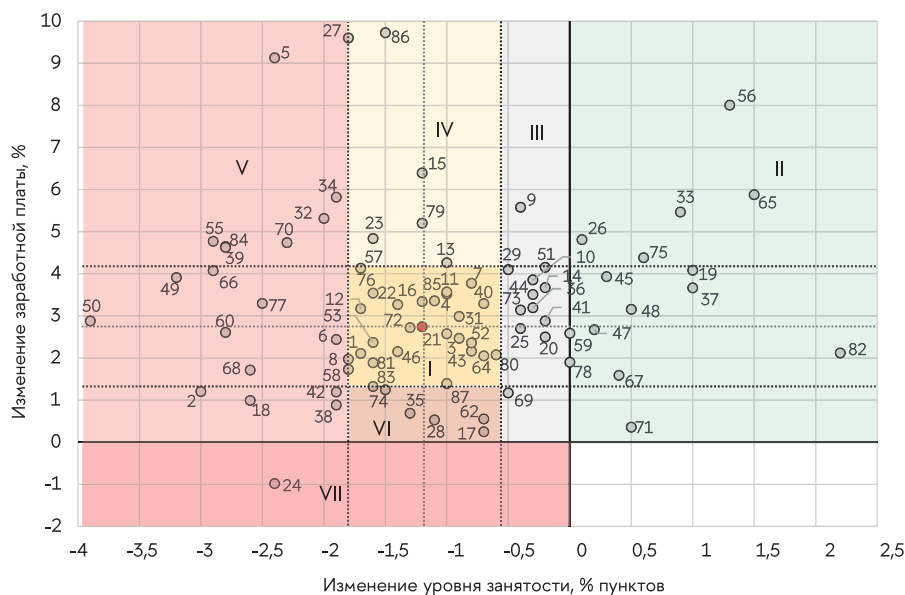

Рисунок 2.9.8. Группы регионов по динамике заработной платы и уровню занятости населения по итогам 2020 года¹⁹

Максимальный прирост групповой медианы заработной платы в 2020 году наблюдался в небольших муниципалитетах—городских (+6,2%) и сельских (+6,6%) поселениях, где официальная занятость, как правило, представлена бюджетной сферой и немногочисленными предприятиями реального

¹⁹ Вне графика—Республика Северная Осетия—Алания (–6,0; +1,9), Республика Дагестан (–5,8; +11,7), Республика Мордовия (–5,3; +3,2), Костромская область (–0,6; –6). Источник: рассчитано по данным ФСГС РФ.

сектора. Однако из-за низкого охвата населения официальной занятостью реальный рост доходов затронул меньшую часть населения. В муниципалитетах среднего размера и многих крупных, в том числе в городах — региональных центрах, прирост заработной платы был значительно меньше. Из общей картины выбиваются города-миллионники, где групповая медиана заработной платы выросла более чем на 6%. Но они очень неоднородны: в Новосибирске, Челябинске, Ростове-на-Дону и Самаре прирост зарплат превысил 10%, в то время как в Екатеринбурге и Красноярске она упала на 4,9 и 3,6% соответственно.

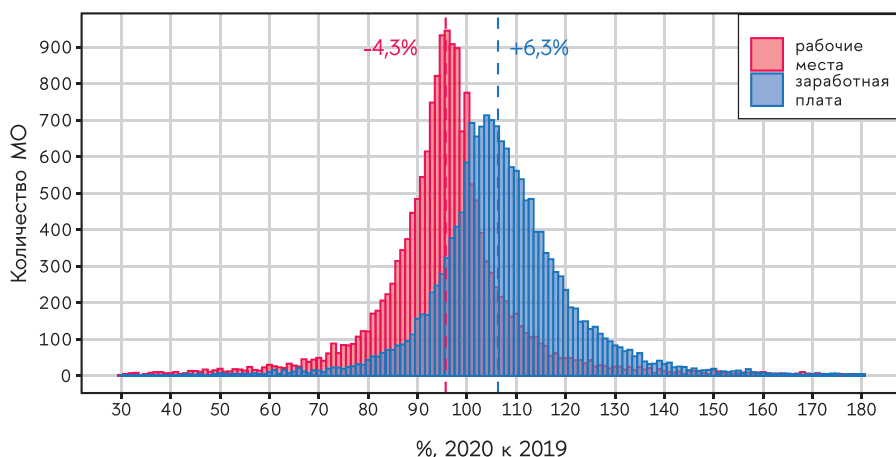

Рисунок 2.9.9. Распределение муниципальных образований (сельских и городских поселений, городских и муниципальных округов, внутригородских территорий Москвы и Санкт-Петербурга) по динамике числа рабочих мест и средней заработной платы в 2020 году²⁰

В целом российский рынок труда в 2020—2021 годах продемонстрировал высокий уровень резилиентности — способности быстро адаптироваться к трудностям и восстанавливаться после кризисных явлений. По состоянию на начало 2022 года не произошло снижения заработной платы. Уровни безработицы и занятости населения в большинстве регионов России вышли на значения, близкие к допандемийным. Резилиентность рынка труда позволила, по крайней мере, сохранить прежние условия для формирования человеческого потенциала, не допустив их заметного ухудшения (что не исключает ухудшения ситуации по другим аспектам человеческого потенциала, в первую очередь состояния здоровья, не являющихся предметом нашего анализа).

²⁰ Примечание: пунктирной линией показана медиана.

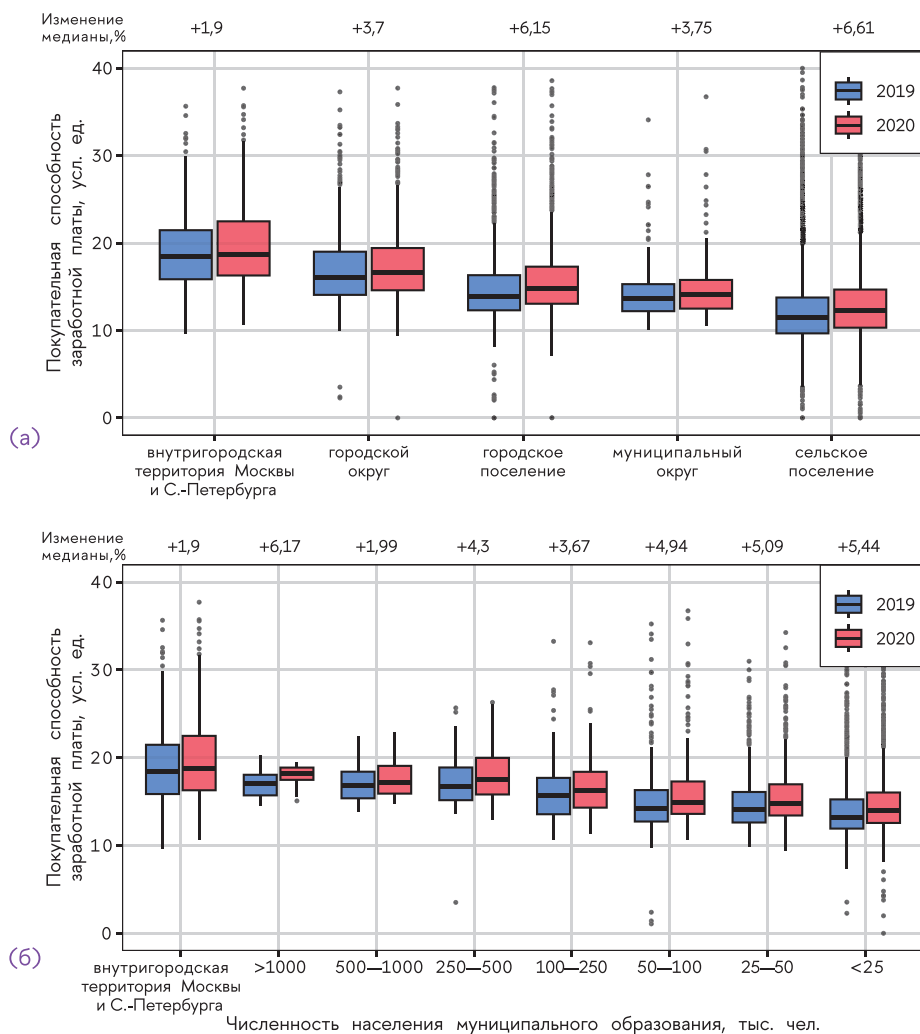

Рисунок 2.9.10. Динамика покупательной способности годовой заработной платы в 2019—2020 годах в зависимости от типа муниципального образования (а) и численности населения муниципальных образований (городских и муниципальных округов, муниципальных районов) (б)²¹

Миграция и ее роль в формировании человеческого потенциала

Уровень и территориальная структура миграции — один из важных показателей, характеризующих возможности и установки населения с точки зрения развития человеческого потенциала. Экономический фактор (развитие рынка труда и социальное развитие регионов) является главной причиной миграции

²¹ Число условных единиц соответствует отношению размеров годовой заработной платы к стоимости месячного фиксированного набора товаров и услуг.

в России [Вакуленко, 2019; Карцева, Мкртчян, Флоринская, 2020], и рост числа переездов может рассматриваться как индикатор динамичных адаптационных процессов в обществе, а их снижение — как застойных или кризисных [Россия регионов, 2005]. Критически низкий уровень дохода домохозяйств в отстающих регионах (так называемая ловушка бедности) препятствует мобильности населения. Несмотря на исчезновение к началу 2010-х годов подобных ловушек на региональном уровне [Guriev, Vakulenko, 2012], миграционный отток из бедных регионов по-прежнему затруднен из-за высокого внутрирегионального неравенства именно в этих регионах [Вакуленко, 2019].

После завершения периода стрессовых миграций 1990-х годов и экономической стабилизации внутристрановая миграционная подвижность населения в России в 2000-е годы установилась на сравнительно низком уровне (7—8 прибытий в год на 1 тыс. жителей). Экономический рост в 2000-х годах привел к усилению дифференциации регионов с точки зрения условий и разнообразия предложений на рынке труда, и с 2010 года территориальная мобильность населения более чем удвоилась (до 18,7), несмотря на временное снижение в связи с экономическим спадом в 2014—2015 годах. Росла и доля межрегиональных потоков, в 2015 году превысившая 50 %. Дополнительным фактором повышения мобильности стало изменение ценностей: рост потребности (особенно у молодых поколений) в разнообразии и выборе, которые пока доступны лишь в крупных городах. Однако уже в 2019 году этот тренд был ослаблен новой волной кризиса [Zubarevich, Safronov, 2020], а в 2020 году пандемия COVID-19 и экономический спад привели к заметному снижению миграционной подвижности населения: коэффициент прибытий снизился почти до уровня 2011 года. Это связано как с карантинными ограничениями и более осторожным поведением россиян, часть которых решила перенести переезды на посткризисный период, так и со структурной трансформацией рынка труда при снижении экономической активности. В результате возник новый тип стрессового развития миграционной ситуации: в отличие от резкого роста вынужденных социально-политических миграций 1990-х годов, в 2020 году под влиянием негативных экзогенных факторов резко сократился миграционный оборот.

В целом по стране оборот *внутренней миграции* в 2020 году по сравнению с докризисным периодом 2019 года снизился на 16 %. Различия по экономическим районам, за исключением Северного и Центрально-Черноземного, которых миграционный спад коснулся сильнее всего, невелики (см. рис. 2.9.11). Прибытия больше всего сократились в Московском и Санкт-Петербургском столичных регионах. Несколько сильнее, чем в других регионах Азиатской России, снизились миграционные потоки в нефтегазодобывающих регионах Западной Сибири. Миграционная привлекательность в ходе пандемии увеличилась только у Крыма.

Величина *межрегиональной миграции* в целом по стране в 2020 году сократилась на 15 %. Данные 2020 года показали сильное сокращение выбытий

для большинства регионов со стабильно отрицательным сальдо миграции (см. рис. 2.9.11)²², особенно в Центрально-Черноземном и Северном экономических районах, тяготеющих соответственно к Москве и Санкт-Петербургу. У традиционных регионов-реципиентов в связи с проблемами на рынке труда, напротив, произошло заметное уменьшение числа прибытий при относительно небольшом сокращении числа выбытий.

В 2021 году, в связи с улучшением общей социально-экономической ситуации, прибытия мигрантов увеличились во всех экономических районах (в целом по стране на 8% за восемь месяцев 2021 года), но допандемийные объемы миграции не были достигнуты (см. рис. 2.9.11а). Наиболее полно восстановилась миграция в Северо-Западный район, а медленнее всего оно шло в Центрально-Черноземном и Северном районах. В столичных регионах (особенно в Москве) снижение прибытий в 2020 году было наиболее глубоким, и, несмотря на интенсивный восстановительный рост в 2021 году, межрегиональная миграция еще далека от докризисного уровня. Но внутрирегиональная миграция в столичных регионах (включая Центральный и Северо-Западный районы) уже превысила докризисный уровень, по-видимому, в связи с бумом на рынках ипотеки и жилья.

Внутрирегиональная миграция восстанавливается существенно активнее, чем межрегиональная (см. рис. 2.9.12). В первой половине 2021 года впервые с 2014 года ее доля по прибытиям превысила 50%. Кроме двух столиц, во многих регионах с крупными агломерациями объемы внутренней миграции за восемь месяцев 2021 года уже превысили допандемийный уровень или вплотную приблизились к нему. Быстро восстанавливаются внутрирегиональные потоки в Крыму, Калининградской и Калужской областях. Напротив, в Черноземье, периферийных областях Центрального района, на Севере европейской части, в некоторых республиках Северного Кавказа, ряде регионов Азиатской России в 2021 году внутрирегиональная миграция продолжала снижаться.

Межрегиональные потоки восстанавливаются медленнее и намного более избирательно. В подавляющем большинстве регионов межрегиональная миграция в 2021 году не проявляла тенденций к росту относительно 2020 года и не превышала 85% допандемийного уровня (см. рис. 2.9.13). Позитивная динамика отмечается лишь в трети субъектов РФ, и лишь в 12 регионах число прибытий межрегиональных мигрантов увеличилось на 10% и более. Наиболее близки к восстановлению традиционные реципиенты — Калининградская, Калужская, Ленинградская области, Татарстан, а также ряд периферийных регионов с небольшими миграционными потоками, слабее затронутых пандемийными ограничениями.

²² Анализ миграционной ситуации логичнее оценивать по числу более точно фиксируемых прибытий. Масштабы возвратной миграции из крупных городских центров в регионы в силу особенностей учета, как правило, преувеличиваются официальной статистикой [Karachurina, Mkrtchyan, 2022].

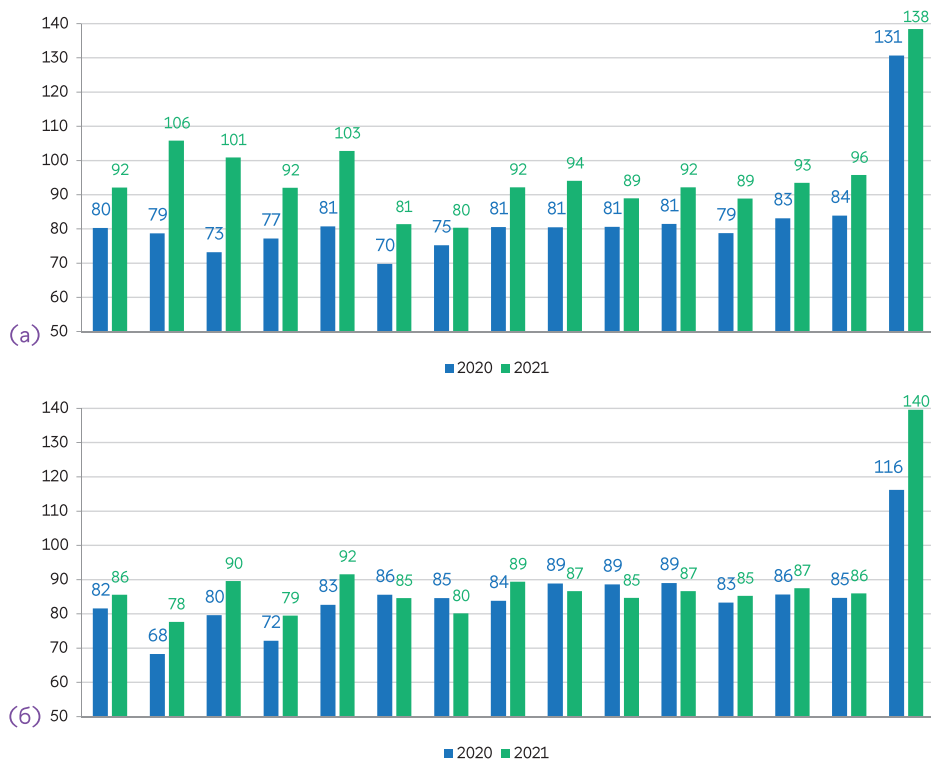

Рисунок 2.9.11. Динамика числа прибытий (внутренняя миграция) за восемь месяцев 2020—2021 годов к уровню 2017—2019 годов (а—внутрирегиональная миграция, б—межрегиональная миграция)

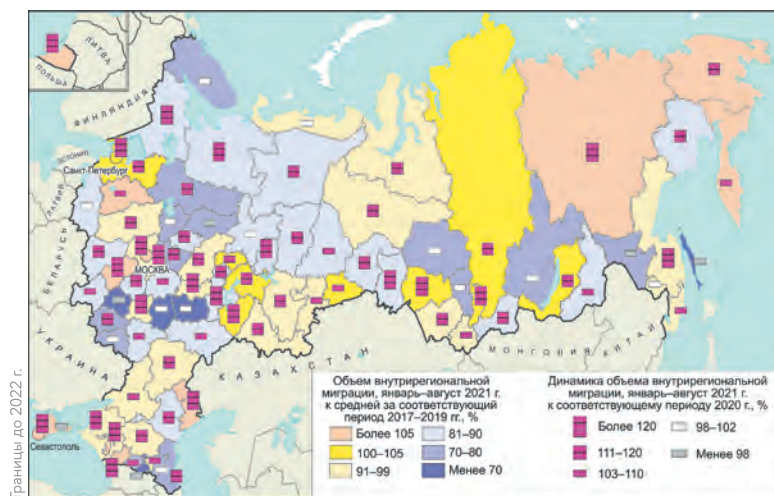

Рисунок 2.9.12. Динамика внутрирегиональной миграции в 2017—2021 годах²³

²³ Источник: составлено авторами.

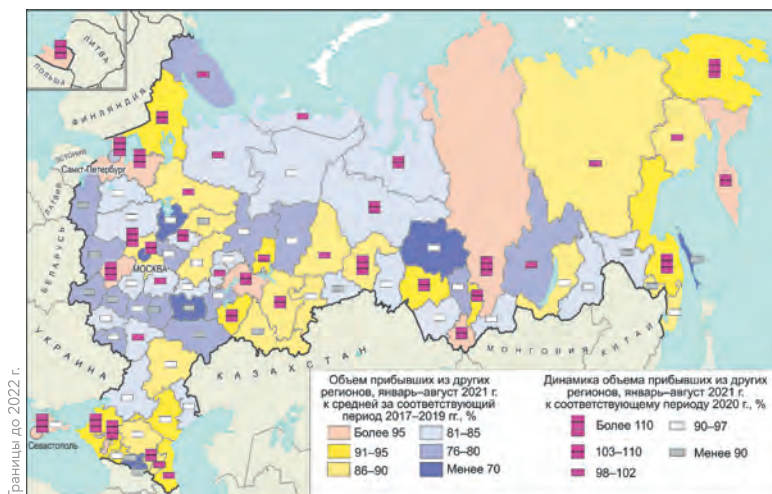

Рисунок 2.9.13. Динамика межрегиональной миграции в 2017–2021 годах²⁴

Институциональная среда местного сообщества как фактор резилиентности

Один из ключевых факторов территориальной резилиентности — институциональная среда местного сообщества, в первую очередь нормативно-правовое регулирование. В период пандемии COVID-19 были задействованы как ограничительные, так и поддерживающие меры на всех уровнях власти (федеральном, региональном, муниципальном), ключевые из них затронули передвижения, занятость и предоставление услуг.

4 апреля 2020 года, когда в России число заболевших COVID-19 по официальным данным достигло 3,5 тыс. человек в 76 регионах, указом президента²⁵ на федеральном уровне был продлен режим «нерабочих дней» (с сохранением заработной платы), начавшийся 30 марта. Важно, что главам субъектов РФ было поручено обеспечить реализацию комплекса мер, исходя из санитарно-эпидемиологической обстановки (хотя они это самостоятельно делали в течение марта с момента принятия региональных актов о введении режима повышенной готовности). В соответствии с указом на региональном уровне определялись территории, на которых предусматривались: 1) приостановка деятельности организаций и ИП с учетом видов деятельности²⁶; 2) установление особого порядка передвижения людей и транспорта. Главы регионов вынуждены были балансировать между ограничением распространения

²⁴ Источник: составлено авторами.

²⁵ Указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 года № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)».

²⁶ Исключения были перечислены в Указе, однако перечень содержал расширительную позицию «иные организации», которой воспользовались региональные органы власти.

COVID-19 и поддержанием уровня занятости. Регионы определяли, какие организации продолжают работать в нерабочие дни, а какие не будут работать; регионы стали бороться за расширение списка системообразующих предприятий, которые могли продолжать работу. Региональные решения дополнялись на муниципальном уровне (вплоть до городских и сельских поселений в некоторых субъектах РФ), где они (за редкими исключениями) воспроизводились без существенной детализации.

Набор и степень детализации *ограничений деятельности* сильно различались между регионами, как и перечень видов организаций, продолжавших работу. В подавляющем большинстве регионов подход на деле слабо соотносился с уровнем распространения COVID-19 и с социально-экономическими и географическими особенностями²⁷. Даже там, где заболеваемость была высокой, круг работающих организаций был очень широкий (например, в Дагестане). Отчасти это объясняется тем, что перечни принимались в первой декаде апреля 2020 года, когда официальная и фактическая заболеваемость в большинстве регионов была низкой, и впоследствии менялись незначительно, а в ряде регионов даже расширялись (например, в Амурской области и Еврейской АО) на фоне быстрого распространения COVID-19. Одни и те же меры на одних территориях были предписаны, а на других рекомендованы, даже внутри региона и вне связи с обстановкой (например, первое в Ломоносовском, а второе — в Волховском районе Ленинградской области).

Поддержка рынка труда осуществлялась на основе федеральных решений по поддержке рабочих мест, а реализовалась в регионах посредством субсидий, отсрочки налогов, снижения страховых взносов, льготного кредитования, поддержания доходов безработных. Наиболее существенное изменение рынка труда состоит в массовом распространении дистанционной занятости, особенно в организациях, исполняющих публичные функции, поскольку в любых условиях их невозможно не выполнять, а часть функций стала актуальной именно в связи с пандемией. Но, учитывая техническую невозможность обеспечения дистанционного режима во многих местностях, данная мера оказывалась не вполне операциональной. Более того, в таких организациях, несмотря на объявленные нерабочие дни, работникам определенных контингентов (в разных регионах они различались, например, по возрасту — 60+ или 65+) предлагалось по их желанию предоставлять ежегодный оплачиваемый отпуск. Адекватное нормативно-правовое регулирование дистанционного режима работы сотрудников так и не было создано.

Ограничения передвижения были введены как региональная мера и, согласно указу, не могли затрагивать межрегиональные перевозки. Меж-

²⁷ Шагалов И. Л., Шаблинский А. И., Полищук Л. И. Региональные меры по борьбе с пандемией коронавируса и ее последствиями. Доклад на XXII Апрельской международной научной конференции НИУ ВШЭ. URL: <https://conf.hse.ru/2021/program/>; Полищук Л. И. Policy Responses to COVID-19 in Russian Regions. Научный семинар Института институциональных исследований НИУ ВШЭ. URL: <https://cinst.hse.ru/news/480266409.html>.

региональная дифференциация в ограничении передвижений проявилась сильнее, чем в отношении других антиковидных мер. Почти в половине регионов пропускной режим вообще не вводился; напротив, почти в четверти регионов действовали региональные и/или федеральные пропуска. В нескольких регионах из-за локальных вспышек заболевания в единичных муниципалитетах объявлялся карантин в виде запрета на передвижение за их пределы. Только в Краснодарском крае как курортном регионе карантин распространялся на всю территорию для защиты жителей в связи с притоком отдыхающих из других субъектов РФ вследствие объявленных в стране нерабочих дней в апреле — начале мая 2020 года²⁸.

Таким образом, в большинстве регионов ввод антиковидных ограничений не стал эффективной мерой, и вряд ли был получен действенный опыт оперативного реагирования на кризисную ситуацию. Система управления оставалась негибкой и забюрократизированной. Меры отвечали управленческому стереотипу и в значительной степени политическим мотивам, а не особенностям региональной социально-экономической и эпидемиологической обстановки; наблюдалась скорее имитация регионально дифференцированного подхода, нежели реальное использование его возможностей. В тех регионах, которые достаточно часто сталкиваются с угрозами и рисками чрезвычайной ситуации разной природы (например, Краснодарский край, Амурская область), принимаемые меры были более динамичны и адекватны меняющейся ситуации. Весьма слабо использовался потенциал взаимодействия с организациями гражданского общества, преобладали односторонние решения при слабом вовлечении заинтересованных сторон в их подготовку.

На стадии восстановления экономической активности (в первую очередь сферы услуг), рынка труда и миграции также затруднительно говорить об активной и конструктивной роли региональных и местных властей: за отдельными исключениями, их вклад сводился к выполнению своих базовых функций и усилиям в медицинской сфере. Ход кризиса, связанного с пандемией COVID-19, показал, что основной потенциал адаптации и восстановления сосредоточен не в органах власти, а в быстрой трансформации жизненных практик и стратегий жителей и активности бизнеса. Соответственно и территориальная резилиентность определялась в первую очередь ресурсами и разнообразием этих акторов.

Выводы

Исследование присутствия многонациональных компаний в российских городах, состояния сферы услуг, рынка труда и миграции в ходе кризиса, связанного с пандемией COVID-19, формирует многоуровневую, полимасштабную и комплексную картину экономической резилиентности в России.

²⁸ По мере развития ситуации изменения в постановление главы края от 13 марта 2020 года о введении режима повышенной готовности только до конца июня вносились 20 раз.

Многие особенности реакции регионов и городов на кризис и последующего восстановления связаны с хорошо изученными чертами территориальной структуры России: высоким уровнем неравномерности развития, сильной поляризацией пространства по классическим дифференцирующим осям: центр—периферия, город—село, запад—восток, север—юг, а также зависимостью от размера города. Вместе с тем коронакризис обнажил высокий уровень зависимости ситуации в конкретном регионе и городе от бюджетных возможностей, институциональных особенностей, географического положения, исходного уровня социально-экономического развития, решений местных властей.

С каким багажом российские города подошли к кризису, связанному с пандемией COVID-19, и к радикальной трансформации модели взаимодействия с международным бизнесом, начавшейся в 2022 году? Анализ присутствия многонациональных компаний в российских городах показывает, что быстрый рост сетей в 2000-е годы сменился стагнацией и даже некоторым сжатием в 2010-е годы. Тем не менее заметная группа российских городов—Москва и Санкт-Петербург, многие большие города, ряд небольших городов в Сибири и на Дальнем Востоке, специализирующихся на добыче полезных ископаемых,—увеличили географическую диверсификацию связей МНК. Такие города имели тенденцию к большей аккумуляции человеческого потенциала и более глубокой интеграции в международное разделение труда и глобальные цепочки создания стоимости. Траектория большинства средних и крупных городов России, в том числе крупных промышленных центров и многих нефтегазовых городов, противоположна: они потеряли в показателе силы и еще больше в разнообразии, тем самым сократив свои связи с другими городами через МНК. Большинство российских городов всех типов демонстрировали рост значимости сферы рыночных услуг в структуре присутствия МНК, в том числе за счет продвинутых услуг (*advanced producer services*). Для экономики крупных городов характерна диверсификация сферы услуг. Напротив, малые или специализированные города закрепляются в своих узких нишах (в частности, в нефтегазовой отрасли), что приводит к снижению разнообразия и, как следствие, резилиентности таких городов.

Процессы, происходившие в российской третичной сфере в течение коронакризиса 2020—2021 годов, в целом схожи с глобальными тенденциями и характеризовались ростом таких отраслей, как информационные, административные, клининговые и торговые услуги, которые почти во всем мире оказались бенефициарами пандемии. Вместо спада, характерного для большинства других ВЭД, эти отрасли в 2020 году показали в России заметный рост. Резилиентность сферы услуг в территориальном разрезе определяется внутренней структурой третичной сферы, уровнем расходов на потребительские услуги (на душу населения), связанным с доходами и культурой потребления, и, наконец, бюджетными возможностями регионов. В 2020—2021 годах две трети российских регионов характеризовались замедленными темпами

восстановления экономической активности в сфере услуг после шока, связанного с пандемией COVID-19. Услуги здесь смогли адаптироваться, изменив внутреннюю структуру с учетом новых реалий, в первую очередь благодаря имеющимся экономическим ресурсам. Можно выделить нескольких основных типов регионов по реакции их третичного сектора на коронакризис: крупногородские регионы пострадали сильнее, но и быстрее восстановились, достигнув докризисного уровня; индустриальные регионы, динамика сферы услуг в которых была напрямую связана с ситуацией в их отраслях специализации и часто была усугублена очаговым типом освоения; основная масса срединных регионов, где третичная сфера сравнительно слабо пострадала от пандемии из-за общего невысокого уровня развития услуг.

Кризис, вызванный пандемией COVID-19, в очередной раз продемонстрировал высокую резилиентность российского рынка труда, отмеченную и ранее в ходе кризисов постсоветского времени. Эта устойчивость обусловлена рядом демографических и институциональных факторов. Краткосрочные изменения во время острой фазы кризиса и пика ограничительных мероприятий не стали главными факторами трансформации рынка труда. Гораздо большее влияние имел долгосрочный фактор снижения численности россиян трудоспособного возраста, усугубленный сверхсмертностью в ходе пандемии и вынужденным уходом части работников с рынка труда. В итоге удалось избежать долгосрочного кризиса со всплеском безработицы и падением зарплат: уровень занятости населения сократился, но для тех, кто сохранил работу, ситуация на рынке труда стала относительно благоприятной. Как источник финансовых ресурсов трудовая деятельность еще более усилила свое первостепенное значение: на фоне снижения реальных доходов населения средняя заработная плата не уменьшилась. На муниципальном уровне динамика покупательной способности зарплаты в пандемийном 2020 году была очень неоднородна. Возникла нетипичная ситуация, когда более высокие темпы роста заработной платы сложились в небольших муниципалитетах. В средних и крупных муниципальных образованиях, попавших под основной удар кризиса 2020 года, рост заработной платы замедлился. Исключение составили города-миллионники (кроме Москвы и Санкт-Петербурга), которые в условиях кризиса обрели второе дыхание.

Ощутимый спад потоков внутренней миграции в период кризиса 2020 года коснулся всей территории страны, но по прибытиям сильнее затронул ведущие экономические центры, а по выбытиям — большинство регионов — основных поставщиков мигрантов. Крымский полуостров — единственная территория, миграционная привлекательность которой выросла на фоне пандемии. Восстановление миграции в 2021 году началось, однако оно шло медленно и весьма селективно: ограниченное число развитых регионов, быстро восстанавливающих миграционные потоки, находилось в окружении обширной зоны миграционного спада. Международная миграция сильнее зависит от институциональных ограничений, а на межрегиональную в большей степени влияют

внутриэкономические факторы. Эти виды миграции труднее всего восстанавливались в посткризисный период. Внутрирегиональная миграция, обусловленная как экономическими, так и социально-бытовыми причинами, более гибкая и устойчивая, поэтому восстанавливалась быстрее. Положительные тенденции отмечались в крупных северных регионах с разреженной системой расселения. Южные и менее урбанизированные территории с большими внутренними ресурсами выживания образовали сплошную полосу миграционной стагнации.

Во всех аспектах прослеживается ведущая роль человеческого потенциала в обеспечении экономической резилиентности территорий. Третичная сфера показала трансформативную резилиентность в первую очередь в крупнейших агломерациях, имеющих развитую и диверсифицированную структуру сферы услуг, опирающуюся на хорошо образованное, инициативное, разнообразное население с диверсифицированными социальными связями и широким доступом к ресурсам различных типов. Города-миллионники стали ключевыми полюсами роста при восстановлении российского рынка труда после коронакризиса, а при восстановлении миграционных потоков лидировали субъекты с крупными региональными столицами. Многие большие города также смогли в 2010-е годы нарастить отраслевое и географическое разнообразие присутствующих в них международных компаний и их связей с другими городами и странами.

Как представляется, степень пространственной поляризации по состоянию сферы услуг, рынка труда и миграций по итогам кризиса, по крайней мере, не выросла (а возможно, и сократилась). Таким образом, трудности, вызванные пандемией COVID-19, не привели к усилению социально-экономических градиентов и территориального неравенства. Вместе с тем высокая резилиентность российского рынка труда, сферы услуг и, в меньшей степени, миграционных потоков к краткосрочным шокам сочеталась с сохранением долгосрочных структурных проблем: низким уровнем интеграции в глобальные цепочки создания стоимости; структурными деформациями в экономике многих регионов, включая «вынужденную терциаризацию» с доминированием примитивных форм сферы услуг; низким уровнем оплаты труда, качества рабочих мест и квалификации работников; концентрацией человеческого потенциала в ограниченном числе центров (в первую очередь в Москве, Санкт-Петербурге, нефтегазовых регионах, Юге России) при вымывании его из других регионов, в особенности с региональной периферии. Многие негативные тренды в географии присутствия международных компаний, структуре и сложности региональных экономик, уровне оплаты труда и миграционных потоках возникли еще в 2010-е годы или 2018—2019 годах, то есть до непосредственного воздействия коронакризиса.

Список литературы

Антонов Е. В. Развитие и современное состояние рынков труда городов в России // Население и экономика. 2019. № 1. С. 76—94.

Антонов Е. В. Рынки труда городских агломераций в России // Региональные исследования. 2020. Т. 2. № 68. С. 88—100.

Ахапкин Н. Ю. Структурные изменения на российском рынке труда (региональный аспект) // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2019. № 6. С. 26—40.

Ахапкин Н. Ю. Российский рынок труда в условиях пандемии COVID-19: динамика и структурные изменения // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 6. С. 52—65.

Бирюкова С. С., Вишневский А. Г., Гимпельсон В. Е. и др. Как увеличить человеческий капитал и его вклад в экономическое и социальное развитие. Тезисы доклада / под ред. Я. И. Кузьмина, Л. Н. Овчаровой, Л. И. Якобсона. М.: ВШЭ, 2018.

Вакуленко Е. С. Мотивы внутренней миграции населения в России: что изменилось в последние годы? // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 55. С. 113—138.

Внутристрановые различия ИЧР в России в 2015—2016 годах // Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2018 год / под ред. С. Н. Бобылева, Л. М. Григорьева. М.: Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2018. С. 159—170.

Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И. Заработная плата в России. Эволюция и дифференциация. М.: ВШЭ, 2008.

Гурвич Е. Т., Вакуленко Е. С. Исследования российского рынка труда и экономическая политика // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 1. С. 203—212.

Зубаревич Н. В. Индекс развития человеческого потенциала // Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? М.: Поматур, 2005. С. 75—77. URL: <http://www.ecoross.ru/files/atlas/book.shtml>.

Иванов Д. С. Трансформация сектора услуг регионов России: дисс. ... канд. геогр. наук. М.: МГУ имени М. В. Ломоносова, 2012.

Капелюшников Р. И. Сколько стоит человеческий капитал России? М.: ВШЭ, 2012.

Карцева М. А., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф. Миграция в России и социально-экономическое развитие регионов: анализ взаимного влияния // Проблемы прогнозирования. 2020. № 4. С. 87—97.

Климанов В. В., Казакова С. М., Михайлова А. А. Типология региональных экономических систем на основе индекса резилиентности // Общественные финансы. 2020. № 39. С. 4—12.

Лайкам К. Э. Российский рынок труда в условиях пандемии коронавируса // Вопросы статистики. 2021. Т. 28. № 5. С. 49—57.

Локосов В. В., Рюмина Е. В., Ульянов В. В. Кластеризация регионов России по показателям качества жизни и качества населения // Народонаселение. 2019. Т. 22. № 4. С. 4—17.

Мигранова Л. А., Токсанбаева М. С. Региональная дифференциация человеческого потенциала в России // Вызовы и политика пространственного развития России в XXI веке / Ред. В. М. Котляков, А. Н. Швецов, О. Б. Глезер. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2020. С. 252—290.

Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения: три квартала 2021 года / под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: ВШЭ, 2021.

Россия регионов: в каком социальном пространстве мы живем? / под ред. Н. В. Зубаревич. М.: Поматур, 2005.

Рюмина Е. В. Роль географического фактора в формировании и развития человеческого потенциала // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 4. С. 71—81.

Соболева И. В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2007.

Сторпер М. Ключи от города: как устроено развитие? М.: Strelka Press, 2018.

Токсанбаева М. С. Дифференциация заработной платы в отраслях с высоким уровнем занятости квалифицированным трудом // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 4—3. С. 98—104.

Трейвиш А. И., Нефедова Т. Г. Города и сельская местность: состояние и соотношение в пространстве России // Региональные исследования. 2010. № 2. С. 42—57.

Трейвиш А. И. Город, район, страна и мир: Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф, 2009.

Chandler D. (2014) Resilience: The Governance of Complexity. Abingdon: Routledge.

Dokhov R., Topnikov M. (2020) Everyday Mobility as a Vulnerability Marker: The Uneven Reaction to Coronavirus Lockdown in Russia. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 53. No. 4. P. 612—615.

Farbotko C., McMichael C., Dun O., Ransan-Cooper H., McNamara K.E., Thornton F. (2018) Transformative Mobilities in the Pacific: Promoting Adaptation and Development in a Changing Climate. *Asia & the Pacific Policy Studies*. Vol. 5. No. 3. P. 393—407.

Fedele G., Donatti C. I., Harvey C. A., Hannah L., Hole D. G. (2019) Transformative Adaptation to Climate Change for Sustainable Social-Ecological Systems. *Environmental Science & Policy*. Vol. 101. P. 116—125.

- Florida R. (2005) *Cities and the Creative Class*. London: Routledge.
- Giacometti A., Teräs J., Perjo L., Wøien M., Sigurjonsdottir H., Rinne T. (2018) Regional Economic and Social Resilience: Conceptual Debate and Implications for Nordic Regions. Discussion Paper Prepared for Nordic Thematic Group for Innovative and Resilient Regions. Stockholm.
- Glaeser E.L., Ponzetto G., Tobio K. (2014) Cities, Skills and Regional Change. *Regional Studies*. Vol. 48. No. 1. P. 7—43.
- Glaeser E.L., Maré D.C. (2001) Cities and Skills. *Journal of Labour Economics*. Vol. 19. No. 2. P. 316—342.
- Guriev S., Vakulenko E. (2012) Convergence between Russian Regions. *CEFIR*. No. w0180.
- Heckman J.J., Humphries J.E., Veramendi G. (2018) Returns to Education: The Causal Effects of Education on Earnings, Health, and Smoking. *Journal of Political Economy*. Vol. 126 (S1). P. S197—S246.
- Henderson V. (1997) Medium Size Cities. *Regional Science Urban Economies*. Vol. 27. No. 6. P. 583—612.
- Isard W. (1966) *Methods of Regional Analysis* (Vol. 4). Cambridge, MA: M.I.T. Press.
- Karachurina L., Mkrtchyan N. (2022) Internal Migration and Population Concentration in Russia: Age-Specific Patterns. *GeoJournal*. Vol. 87. P. 4741—4762.
- Karlinsky A., Kobak D. (2021) Tracking Excess Mortality across Countries during the COVID-19 Pandemic with the World Mortality Dataset. *eLife*. Vol. 10. e69336.
- Lerch D. (ed.) (2017) *The Community Resilience Reader: Essential Resources for an Era of Upheaval*. Island Press.
- Lucas R. (1988) On the Mechanics of Economic Development. *Journal of Monetary Economics*. Vol. 22. P. 3-142.
- Manera C., Valle E. (2018) Industry and Services in the Balearic Islands, 1950—2015: The Regional De-industrialization in a Tertiary Economy. *Investigaciones de Historia Economica*. Vol. 14. No. 3. P. 210—219.
- Martin R., Sunley P., Gardiner B., Tyler P. (2016) How Regions React to Recessions: Resilience and the Role of Economic Structure. *Regional Studies*. Vol. 50. P. 561—585.
- Martini B., Platania M. (2019) Analyzing Resilience in Local Labor Market Areas: A Spatial Analysis. The Case of Italy. *Applied Economics Quarterly*. Vol. 65. No. 3. P. 189—208.

Pažitka V., Wójcik D., Knight E. (2021) Critiquing Construct Validity in World City Network Research: Moving from Office Location Networks to Inter-Organizational Projects in the Modeling of Intercity Business Flows. *Geographical Analysis*. Vol. 53. No. 2. P. 355—376.

Pumain D., Saint-Julien Th. (2001) *Les Interactions Spatiales*. Paris: Armand Colin, Coll. Cursus.

Pumain D., Swerts E., Cottineau C., Vacchiani-Marcuzzo C., Ignazzi C. A., Bretagnolle A., et al. (2015) Multilevel Comparison of Large Urban Systems. *Cybergeo: European Journal of Geography*. URL: <https://journals.openedition.org/cybergeo/26730>.

Rogov M., Rozenblat C. (2018) Urban Resilience Discourse Analysis: Towards a Multi-Level Approach to Cities. *Sustainability*. Vol. 10. No. 12. P. 1—21.

Rogov M., Rozenblat C. (2020) Delineating Russian Cities in the Perspective of Corporate Globalization: Towards Large Urban Regions. *Cybergeo: European Journal of Geography*. URL: <https://journals.openedition.org/cybergeo/35108>.

Rogov M., Rozenblat C. (2022) Intercity Economic Networks under Recession: Counter-Intuitive Results on the Evolution of Russian Cities in Multinational Firm Networks From 2010—2019. *Journal of Urban Affairs*. <https://doi.org/10.1080/07352166.2022.2041987>.

Rozenblat C. (2020) Extending the Concept of City for Delineating Large Urban Regions (LUR) For the Cities of the World. *Cybergeo: European Journal of Geography*. <https://doi.org/10.20944/preprints202003.0213.v1>.

Rozenblat C., Zaidi F., Bellwald A. (2017) The Multipolar Regionalization of Cities in Multinational Firms' Networks. *Global Networks*. Vol. 17. No. 2. P. 171—194.

Sakdapolrak P., Naruchaikusol S., Ober K., Peth S. M., Porst L., Rockenbach T., Tolo V. (2016) Migration in a Changing Climate. Towards a Translocal Social Resilience Approach. *DIE ERDE—Journal of the Geographical Society of Berlin*. No. 147. P. 81—94.

Sigler T. J., Martinus K. (2017) Extending beyond 'World Cities' in World City Network (Wcn) Research: Urban Positionality and Economic Linkages through the Australia-Based Corporate Network. *Environment and Planning A: Economy and Space*. Vol. 49. No. 12. P. 2916—2937.

Stolbova V., Battiston S., Napoletano M., Roventini A. (2017) Financialization of Europe: A Comparative Perspective. Working Paper. URL: http://www.isigrowth.eu/wp-content/uploads/2017/07/working_paper_2017_22.pdf.

Taylor P. J. (2004) Regionality in the World City Network. *International Social Science Journal*. Vol. 56. P. 361—372.

Vitali S., Glattfelder J.B., Battiston S. (2011) The Network of Global Corporate Contro. *PloS One*. Vol. 6. No. 10. e25995.

Zubarevich N.V., Safronov S.G. (2020) Russian Regions in the Acute Phase of the Coronavirus Crisis: Differences from Previous Economic Crises of the 2000s. *Regional Research of Russia*. Vol. 10. No. 4. P. 443—453.

Заключение

Л. Н. Овчарова, В. А. Аникин, П. С. Сорокин

Представленная вниманию читателя книга — результат усилий нескольких десятков исследователей из разных дисциплин, которые объединились в большую команду, чтобы попытаться решить задачу беспрецедентной сложности: очертить основные контуры нового комплексного подхода к факторам и проблемам социально-экономической динамики, а также определить роль человека в указанных процессах. Эта задача возникла не случайно. Как фундаментальное социальное знание (включая не только экономику и социологию, но и психологию, педагогику и другие дисциплины), так и практика социальной политики, государственного и корпоративного управления столкнулись в последние годы с непредвиденными и беспрецедентными реалиями общественной жизни, для понимания которых многие из привычных и даже ставших «классическими» представлений оказались малоприспособлены. Как поставить экономику на рельсы устойчивого роста и преодолеть «парадокс производительности», когда ни технологические разработки, ни формальный уровень образования населения страны не гарантируют благополучия? Как обеспечить индивидуальный и коллективный успех перед лицом новых запросов и требований к человеку на работе, в социальной сфере и даже в быту? Какие именно характеристики позволяют человеку быть успешным и благополучным, при этом обеспечивая коллективное благосостояние в эпоху повышенной турбулентности и резких изменений?

Ключевую роль в этой работе играет понятие «человеческий потенциал», поскольку ключевая гипотеза, объединяющая исследовательскую команду НИУ ВШЭ и ее партнеров по НЦМУ ЦМИЧП, — это гипотеза о том, что именно человек должен находиться в центре теоретических моделей, объясняющих факторы социально-экономической устойчивости и развития, а также практических решений, разрабатываемых для повышения благосостояния человека и общества.

Общеизвестно, что за последние более полувека понятие человеческого капитала и связанные с ним теоретические модели доминировали в дискуссиях о роли человека в социально-экономическом развитии. Однако изменения последних лет, включая прежде всего эмпирически наблюдаемые феномены (например, указанный выше «парадокс производительности»),

требуют переосмысления данной проблематики. Согласно предлагаемому в настоящей работе подходу, понятие «человеческий потенциал» включает все характеристики, которые ранее рассматривались как компоненты «человеческого капитала», но ими не ограничивается. Оно вбирает в себя и другие «стратегические активы» человека, которые:

- не являются «капиталом», ценным на рынке труда сегодня, но могут стать им завтра (например, с изменением спроса);
- важны не только для производства, но и для потребления (например, так называемого креативного потребления, которое становится все более важным видом экономической активности);
- позволяют не только реагировать на институциональные условия, подстраиваясь под них, но и проактивно сознательно менять среду, в том числе создавая новые рынки и ниши для приложения своих умений.

Представленная книга демонстрирует центральное значение для понимания содержания человеческого потенциала индивидуальных характеристик, которые определяют креативность человека, его самостоятельность, способность выбирать цели и двигаться к ним, учитывая меняющиеся условия, проявляя креативность.

Однако было бы некорректно утверждать, что проведенный анализ показывает важность для социально-экономического развития исключительно индивидуального усилия, а не структурных условий. Человеческий потенциал рассматривается с учетом широкого круга факторов технологического, организационного, демографического и даже географического характера, включая новейшие тренды (развитие цифровой среды, креативных индустрий и др.). Именно эти условия и факторы формируют как «запрос» к человеку, так и возможности для ответа на него. При этом важный вывод из проведенных командой НИУ ВШЭ исследований состоит в том, что способность действовать продуктивно в современных условиях не формируется «автоматически», но требует значительных усилий со стороны широкого круга акторов — например, практиков в сфере образования, здравоохранения, корпоративного сектора. Для полноценного раскрытия человеческого потенциала в современную эпоху в интересах индивидуального и общественного благополучия необходим значительный комплекс мер в каждой из перечисленных сфер, и авторы надеются, что проведенные и планируемые в ближайшем будущем исследования в рамках НЦМУ ЦМИЧП станут в этом важным подспорьем.

Авторы

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, PhD in Sociology, доцент департамента социологии ФСН НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ; руководитель научного направления НЦМУ «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала»; ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН.

АНТОНОВ Евгений Викторович — кандидат географических наук, старший научный сотрудник Международной лаборатории ландшафтной экологии факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ.

АНТОНОВА Виктория Константиновна — PhD, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Международной лаборатории исследований социальной интеграции НИУ ВШЭ; профессор департамента социологии ФСН НИУ ВШЭ.

БООС Виктория Олеговна — кандидат экономических наук, ведущий эксперт Центра «Российская кластерная обсерватория» Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ.

ВИШНЕВСКИЙ Константин Олегович — кандидат экономических наук, директор Центра стратегической аналитики и больших данных ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

ВЛАСОВА Валерия Вадимовна — кандидат экономических наук, зав. отделом исследований инноваций; научный сотрудник Лаборатории экономики инноваций Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ.

ВОРОНИНА Наталья Дмитриевна — аналитик Центра исследований бюджетов времени Института социальной политики НИУ ВШЭ; старший преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ.

ГЕРШМАН Михаил Анатольевич — кандидат экономических наук, директор Центра научно-технической, инновационной и информационной политики; ведущий научный сотрудник Лаборатории экономики инноваций Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ.

ГЛЕЗЕР Ольга Борисовна — кандидат географических наук, доцент факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ; ведущий научный сотрудник Института географии РАН.

ГРЕБЕНЮК Анна Юрьевна — заместитель директора Международного научно-образовательного Форсайт-центра ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

ДЕМИДКИНА Ольга Вячеславовна — главный эксперт отдела цифровых технологий Центра стратегической аналитики и больших данных ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

ДЕМЬЯНОВА Анна Владимировна — кандидат экономических наук, директор Центра статистики труда и заработной платы Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ.

ДЕМЬЯНОВА Анна Владимировна — кандидат экономических наук, директор Центра статистики труда и заработной платы ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

ДЕНИСЕНКО Михаил Борисович — кандидат экономических наук, заместитель директора Института демографии НИУ ВШЭ; зав. кафедрой демографии НИУ ВШЭ.

ЗОТОВА Мария Владимировна — кандидат географических наук, доцент базовой кафедры Института географии РАН факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ; старший научный сотрудник Института географии РАН.

КАРДАНОВА Елена Юрьевна — кандидат физико-математических наук, директор Центра психометрики и измерений в образовании, Институт образования НИУ ВШЭ.

КАШИРСКАЯ Екатерина Владимировна — кандидат психологических наук, старший преподаватель, научный сотрудник департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

КОЗЛОВ Владимир Александрович — кандидат экономических наук, научный сотрудник Института изучения Восточной и Юго-Восточной Европы им. Лейбница.

КОРЕШНИКОВА Юлия Николаевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Лаборатории исследований человеческого потенциала и образования, Институт образования НИУ ВШЭ; Академический руководитель образовательной программы «Педагогическое образование» НИУ ВШЭ.

КОРШУНОВ Илья Алексеевич — кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель директора Института образования НИУ ВШЭ.

КУРИЧЕВ Николай Константинович — кандидат географических наук, декан, доцент факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ.

КУЦЕНКО Евгений Сергеевич — кандидат экономических наук, директор Центра «Российская кластерная обсерватория»; ведущий научный сотрудник Лаборатории исследований науки и технологий Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ.

ЛЕОНТЬЕВ Дмитрий Алексеевич — доктор психологических наук, профессор, зав. Международной лабораторией позитивной психологии личности и мотивации НИУ ВШЭ.

МИЛЬШИНА Юлия Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, заместитель директора Института статистических исследований и экономики знаний, Форсайт-центр НИУ ВШЭ.

МИХАЙЛОВА Наталья Сергеевна — эксперт Центра исследований бюджетов времени Института социальной политики НИУ ВШЭ; преподаватель кафедры методов сбора и анализа социологической информации НИУ ВШЭ.

НАГЕРНЯК Мария Александровна — заместитель проректора НИУ ВШЭ; директор дирекции научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала»; руководитель Центра исследований бюджетов времени Института социальной политики НИУ ВШЭ.

НЕФЕДОВА Алёна Игоревна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории экономики инноваций ИСИЭЗ НИУ ВШЭ.

ОВЧАРОВА Лилия Николаевна — доктор экономических наук, профессор, проректор НИУ ВШЭ; инициатор научного центра мирового уровня «Центр междисциплинарных исследований человеческого потенциала» — консорциума НИУ ВШЭ, РАНХиГС, МГИМО МИД России, ИЭА РАН; директор Института социальной политики НИУ ВШЭ; член Ученого совета НИУ ВШЭ.

ОРЕЛ Екатерина Алексеевна — кандидат психологических наук, PhD, зав. Международной проектно-учебной лабораторией «Моделирование и оценивание компетенций в высшем образовании» НИУ ВШЭ.

ПЕТРАКОВА Анастасия Владимировна — PhD, научный сотрудник Центра психометрики и измерений в образовании НИУ ВШЭ.

ПОЗДНУХОВА Екатерина Александровна — аспирант Института педагогики и психологии образования Московского городского педагогического университета.

КАНОНИР Татьяна Николаевна — Dr. Psych. (PhD), доцент Института образования НИУ ВШЭ.

ПОТАПЧИК Елена Георгиевна — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра политики в сфере здравоохранения НИУ ВШЭ.

РОГОВ Михаил Иосифович — кандидат географических наук, PhD in Geography, научный сотрудник факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ, Университет Лозанны.

РУДЬ Виталий Александрович — Dr. rer. oec., исследователь, лектор, Загребская школа экономики и менеджмента.

САЖИНА Светлана Владимировна — ведущий аналитик Центра политики в сфере здравоохранения НИУ ВШЭ.

САФРОНОВ Сергей Геннадьевич — кандидат географических наук, доцент кафедры экономической и социальной географии России, географический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова.

СЕЛЕЗНЕВА Елена Владимировна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ.

СИНЯВСКАЯ Оксана Вячеславовна — кандидат экономических наук, заместитель директора Института социальной политики НИУ ВШЭ; зав. Центром комплексных исследований социальной политики НИУ ВШЭ.

СОРОКИН Павел Сергеевич — кандидат социологических наук, зав. лабораторией, ведущий научный сотрудник Лаборатории исследований человеческого потенциала и образования, Институт образования НИУ ВШЭ.

СУШЕНЦОВА Мария Сергеевна — кандидат экономических наук, старший преподаватель департамента теоретической экономики ФЭН НИУ ВШЭ; член исследовательской рабочей группы «Центр истории и методологии экономической науки» (ЦИМЭН) НИУ ВШЭ.

ТЕР-АКОПОВ Сергей Александрович — младший научный сотрудник Центра исследований бюджетов времени Института социальной политики НИУ ВШЭ; приглашенный преподаватель департамента социологии и Института социальной политики НИУ ВШЭ.

ТИМОНИН Сергей Андреевич — кандидат географических наук, научный сотрудник Школы демографии, Австралийский национальный университет.

ТИМОФЕЕВ Александр Аркадьевич — стажер-исследователь Лаборатории исследований человеческого потенциала и образования, Институт образования НИУ ВШЭ.

ФРЁЛИХ Кристиан — PhD, доцент, приглашенный преподаватель департамента социологии ФСН НИУ ВШЭ; научный руководитель образовательной программы «Сравнительные социальные исследования / Comparative Social Research» НИУ ВШЭ.

ХАРХУРИН Анатолий Владимирович — PhD, доцент департамента психологии факультета социальных наук НИУ ВШЭ.

ШЕЛУДКОВ Александр Владимирович — кандидат географических наук, доцент базовой кафедры Института географии РАН факультета географии и геоинформационных технологий НИУ ВШЭ; научный сотрудник Института географии РАН.

ШИРКОВА Наталия Николаевна — кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник Института образования НИУ ВШЭ.

ШМАТКО Наталья Анатольевна — кандидат философских наук, главный научный сотрудник, зав. отделом исследований человеческого капитала ИСИ-ЭЗ НИУ ВШЭ.

ЩУР Алексей Евгеньевич — кандидат социологических наук, научный сотрудник Международной лаборатории исследований населения и здоровья НИУ ВШЭ.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ: СОВРЕМЕННЫЕ ТРАКТОВКИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Координатор авторского коллектива

О. В. Ворон

Выпускающий редактор

О. А. Якимова

Литературный редактор

А. Н. Кокарева

Корректоры

Н. О. Золина, С. Н. Липовицкая,

Н. В. Мочалина, И. В. Упадышева

Автор обложки

М. А. Емельянова

Верстка

А. О. Соляев

АО «ВЦИОМ»

119034, г. Москва, ул. Пречистенка, д. 38, пом. 1

Тел.: +7 495 748-08-07 www.wciom.ru

Гарнитура HSE Sans.

Тираж 250 экз.